

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Март 2010 г.

№ 3 (27)

В.К. АРСЕНЬЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

ГРАДО-ХАБАРОВСКИЙ СОБОР УСПЕНИЯ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. г. Хабаровск. Фото Владимира Костылева

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Владимир КОСТЫЛЕВ. (Воспоминание)	2
Геннадий БОГДАНОВ. (Литературный путеводитель)	4
Владимир ТЫЦКИХ. (Истоки)	6
Татьяна ОВЧИННИКОВА. (Конкурс «Шумит волна...»)	9
О поэте Александре Солодовникове. (Неопалимая купина)	12
Василина ОРЛОВА. (Поэзия)	14
Николай МОРОЗОВ. (Поэзия)	16
Илья ЦЕЙТЛИН. (Поэзия)	17
Татьяна КУХТА. (Поэзия)	18
Письмо в редакцию	19
Олег КОПЫТОВ. (Памятные даты)	20
Людмила ЩИПУНОВА. (Дебют)	22
Ангелина ДЕМЬЯНОК. (Событие)	24
Юрий ЛЮБУШКИН. (К 65-летию Великой Победы)	27
Евгений ВЕСНИК. (Маэстро)	28
Владислав ГУСАРОВ (Конкурс «Шумитволна...»)	30
Книжная полка	32
Александр БОНДАРЕНКО. (Стихотворение)	32

Профессор

Без прошлого, известное дело, не бывает будущего. Слишком часто мы забываем эту простую истину, сдавшись на милость порокам сломя голову несущейся действительности.

Где и когда мы переходим черту «взрослой жизни», за которой становимся безмолвными рабами суеты, живущими по графику: дом–работа–дом? Почему мечты детства перестают беспокоить нас, и далёкие милые образы, словно размытые тени, навсегда теряются в таинственных кладовых памяти?

Руководствуясь никому другому не понятной логикой или не руководствуясь ничем, мы безрассудно отрекаемся от прошлого, хранящего любовь и мудрость близких и родных людей, наполняем сердца равнодушием даже к себе самим.

И только в редкие минуты щемящей тоски душу охватывает труднопреодолимое желание, – как в детстве – читать по слогам Азбуку; стоять в очереди за мороженым; отправиться с отцом на рыбалку с ночевой; вновь пережить первую любовь...

А ведь это очень просто – попросив близких не беспокоить, плотно прикрыть дверь домашней библиотеки, выключить все телефоны, пригасить свет, положить на колени старый семейный фотоальбом и остаться наедине с воспоминаниями.

...Прозвище Профессор своему отцу придумал мой двоюродный брат Костя. Придумал потому, что дядя Валера всегда всё знал. Именно знал, а не строил из себя занудливого всезнайку. Ещё в молодости потеряв по вине водителя-пьяницы, уснувшего за рулём, левую ногу, в одночасье став инвалидом, он, судя по всему, должен был озлобиться на целый мир, так несправедливо расколовшийся для него на «до» и «после», замкнуться в себе и видеть окружающее только в тёмных тонах. Однако ничего подобного не произошло. Напротив, – я запомнил дядю неунывающим весельчаком и балагуром, в любой ситуации умевшим поддержать добрым словом или остроумной шуткой.

С Костей мы были друзьями не разлей вода с раннего детства и поровну делили ответственность за все проделки и выходки, далеко не всегда безобидные. Однажды летом нам пришла идея построить «штаб» в огромном дровянике, стоявшем во дворе у бабушки с дедушкой, живших в то время в частном доме. Не обращая внимания на многочисленные занозы, тайком от взрослых несколько дней мы вынимали дрова из самого центра дровяника. Наконец «штаб» был оборудован согласно мальчишескому представлению о сооружениях подобного рода: места для двух «боевых командиров» было предостаточно, имелось искусно замаскированное смотровое окошко для наблюдения «за врагом», у ног лежали игрушечные автоматы и несколько «гранат». Вместо крыши мы использовали листы старого толя.

Остаётся только предполагать, какими увечьями могли отделаться двое детей, приди сыпучая дровяная масса в движение. Но, слава Богу, кто-то из взрослых вовремя заметил карабкающихся на дровяник «воинов». Разразился скандал,

нас, конечно, наказали, но неудавшаяся совместная «боевая операция» сильнее прежнего укрепила детскую дружбу.

* * *

Помнится, ещё Дениска Кораблёв, один из любимых литературных героев нашего детства, рассказывал, что ему нравится запах бензина. Наверное, нет нужды пояснять, что все мальчишки «эпохи застоя» с блеском в глазах повторили бы слова Дениски. А мне с Костей запах бензина был известен не понаслышке – наши отцы когда-то работали водителями грузовых автомобилей.

В 1982 году дяде Валере, как инвалиду, выделили автомобиль «Запорожец». Это спустя десятилетия «Запорожец» стал героем анекдотов, а в то время мы жили в другой стране, которую сегодня модно поливать грязью. Ни о каких «новых русских» на пресловутых «мерседесах», естественно, тогда никто и подумать не мог.

Часами крутили мы «баранку» жёлтого «Запорожца», рисуя в воображении поездку в дальние города, непременно сопровождающуюся различными приключениями.

Но и наяву поездки случались нередко. Дядя Валера возил нас за город – на рыбалку, купаться; осенью – собирать сорванные порывистым ветром кедровые шишки. В одну из поездок за паданкой мне запомнился рассказ Профессора о трагическом случае, произошедшем на охоте: два неопытных охотника выслеживали не то оленя, не то изюбря. В пылу погони потеряли друг друга из видимости. Услышав треск валежника впереди, один из товарищей выстрелил на шум, не раздумывая. Попал в человека. Ранение оказалось смертельным...

* * *

И всё же самой яркой чертой характера у Профессора было чувство юмора. Оно никогда не изменяло ему, никто и никогда не видел дядю Валеру в подавленном состоянии. Напротив, с вечной папиросой «Беломор» в зубах, он непременно становился душой любой компании: во дворе – среди мужиков-доминошников, на даче – среди соседей по дачному участку, в гаражном кооперативе – среди автолюбителей...

Многие за глаза и в лицо называли его Хазановым. И, действительно, внешнее сходство и умение заставить улыбнуться любого давали право на подобные высказывания.

Из-за болезни дяде Валере приходилось часто лежать в больнице. Его байкам смеялась вся палата. Наверное, многим больным «смехотерапия» помогала поправиться быстрее.

Дядя Валера и свои трудности встречал с улыбкой. Както после очередной сдачи крови лечащий врач произнёс, что анализы неважные, рекомендовал лекарства. Спустя месяц, сдав кровь повторно, дядя Валера удивил доктора прямо противоположным результатом. Довольный собой

Валерий Алексеевич КОСТЮК

врач потёр руки. Но дома дядя Валера рассказал:

– Чудак человек этот доктор! Если бы он только знал, что я четыре недели вместо лекарств – клубничку со сметаной, да по нескольку раз в день...

Память чиста, как слеза: на дне рождения кого-то из родственников на вопрос, будут ли после застолья танцы, Профессор, широко улыбаясь, ответил:

– А как же! Обязательно – с выходом из-за печки!

В другой раз, отпуская Костю вместе со мной проведать бабушку, дядя Валера безапелляционно заявил сыну:

– Чтобы к 13-00 был дома как штык!

Однако помню, будто это случилось лишь вчера, – к указанному времени «штык» вместе со мной находился ровно на половине пути, но не «обратно», а только «туда». А как же иначе, ведь вокруг столько любопытного, мимо которого пацанам в одиннадцать-двенадцать лет пройти просто грех!

* * *

Наверное, многие со мной согласятся: только в школьную пору годы тянутся со скоростью неторопливой улитки. Но едва прозвонит последний звонок, и месяц летит за месяцем, а год – за годом. И нет никакой возможности замедлить бег скорого поезда жизни.

...Как-то незаметно закончил профессиональное училище Костя, пошёл в армию. В 1992 году, перед отправкой на Камчатку, он проходил курс молодого бойца в учебке под Владивостоком. В один из осенних дней родители собрались навестить сына. Поехал и я.

...По незнакомой дороге проскочили поворот на Владивосток, оплошность выяснилась только перед вывеской с указателем владивостокского аэропорта. Нужно было что-то предпринимать...

Неожиданно на обочине неведь откуда появился пастух с плёткой в руке.

Дядя Валера шепнул жене:

– Спроси у мужчины.

Покрутив ручку стеклоподъёмника, тётя Нина махнула рукой пастуху:

– Дяденька, а где здесь дорога на Владивосток?

– Эвон оно что! Да вам нужно обратно ехать, промахнулись вы на несколько километров!

Разворачивая «Запорожец» в обратном направлении, Профессор невозмутимо улыбнулся:

– Ничего, мать, зато теперь мы знаем, как доехать до аэропорта!

* * *

Душное лето 1996 года для нашей семьи выдалось трагичным. 18 июля не стало дедушки – Алексея Кузьмича, 8 августа умер дядя Валера...

Владимир Костылев

ПОЭТ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

(О жизни и творчестве Б. Пастернака)

Геннадий БОГДАНОВ

Новогодние торжества. Рождество, святки, ощущение чуда, запах смолистых еловых веток и мандаринов, мерцание ёлочных гирлянд, конфетти и бенгальские огни – всё это с детства незабываемые и любимые праздничные дни. И зима в этом году радуется обилием снега и крепким морозом.

В лесу настоящая сказка! В дни Рождественских каникул друзья пригласили меня на дачу в лесной глуши. Долго и трудно пробирался я по глубокой колее к занесённому снегом особняку. После всех дорожных мытарств наконец вспыхнули окошки двухэтажной бревенчатой дачи. Через несколько минут я был у дома, окружённого елями в снеговых шапках. Радостная встреча, духмяный запах дерева и запаренного дубового венника; люстра в виде тележного колеса, подвешенного горизонтально над крепко сколоченным столом, блики на стенах от жаркого пламени камина – всё располагало к стихам.

*Посёлок дачный, срубленный в дубrove,
Блистал слюдой, переливался льдом,
И целым бором ели, свесив брови,
Брели на полузанесённый дом.*

*И, набредя, спохватывались: вот он,
Косою ниткой инея ишит,
Вчерашней бурей на живуху смётан,
Пустыню комнат башлыком вершит.*

Это строфы из поэмы Б.Л. Пастернака «Спекторский». Не знаю, кому ещё так ярко и точно удалось описание дачного посёлка в стихах.

Современному читателю, узнавшему о жизни Бориса Пастернака с её конца – с истории создания последнего романа и оголтелой травли поэта, порой малопонятно его творчество. В массовом сознании рисуется образ пророка, страдальца и мученика, а ему этот образ был всегда чужд: «Если кто-нибудь думает, что я могу со стороны показаться «мучеником», то я не отвечаю за чужой бред и химеры...» Сам Пастернак часто ломал голову над загадкой своей жизни: «За что мне так хорошо на свете...» Но были и минуты отчаяния: «Я пропал, как зверь в загоне...» Всё же дело не в этих горьких минутах. Пастернак доподлинно знал,

*Что в мае, когда поездов расписание
Камышинской веткой читаешь в купе,
Оно грандиозней Святого писанья...*

И само Святое Писание ему близко тем, что говорит прищипками из быта. Высокое он с радостью находит в обиходе, во всей земной обустроенности и красоте.

У Пастернака есть особенный цикл стихов из романа «Доктор Живаго». Эти стихи, приписанные автором глав-

ному герою, создавались сразу после войны в 1946 – 1953 годах.

*Ты значил всё в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о Тебе
Ни слуху не было, ни духу.*

*И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я Твой Завет
И как от обморока ожил.*

Особый – духовный трепет охватывает меня, когда я читаю стихотворения «Гефсиманский сад», «Рождественская звезда», «На Страстной», «Гамлет», «Чудо». Читателю романа в целом и этих стихов в частности желательно быть знакомым с текстом Евангелия и библейскими сюжетами.

А лирические стихи Б.Пастернака из романа «Доктор Живаго» желательно читать в сопоставлении с соответствующими фрагментами прозы, где они предварительно явлены в версии прозаической. Интересно наблюдать, как лирическая проза кристаллизуется в стихи.

О Борисе Пастернаке написано немало книг разными авторами. Особенно хочется отметить книгу Дмитрия Быкова из серии ЖЗЛ. В ней более 800 страниц текста с фотографиями. Великолепное, подробное жизнеописание с анализом творчества поэта. Но мне дороже небольшое эссе Андрея Вознесенского «Мне четырнадцать лет», всё из той же синенькой книжки «Прорабы духа», к которой я так часто обращаюсь и, наверное, обращусь ещё не раз. Почему, на мой взгляд, воспоминания Вознесенского о Пастернаке перевешивают по значимости многотомные труды о жизни и творчестве поэта? Конечно же, всё дело в непосредственной близости юного Вознесенского, ещё подростка, к Борису Пастернаку, в его личном знакомстве с гением и продолжительной (в течение 14 лет) дружбе с ним. Подлинник всегда дороже копии. Вот почему мы не принимаем жизнеописание Иисуса Христа Ренаном, но свято чтим Евангелие, написанное самими Апостолами, учениками Спасителя.

Вознесенский восторженно пишет о своей первой встрече с Б.Пастернаком: «Через два часа я шёл от него, неся в охапке его рукописи – для прочтения, и самое драгоценное – изумрудную тетрадь его новых стихов, сброшюрованную багровым шёлковым шнурком. Не утерпев, раскрыв на ходу, я глотал запыхавшиеся строчки:

*Все ёлки на свете, все сны детворы.
Весь трепет затепленных свечек, все цепи...*

В стихах было ощущение школьника дореволюционной Москвы, завораживало детство – серьёзнейшая из загадок Пастернака.

Весь трепет затепленных свечек, все цепи...

Стихи сохранили позднее хрустальное состояние его души. Я застал его осень. Осень ясна до ясновиденья. И страна детства приблизилась.

...Все яблоки, все золотые шары...

С этого дня жизнь моя решилась, обрела волшебный смысл и предназначение: его новые стихи, телефонные разговоры, воскресные беседы у него с двух до четырёх, прогулки – годы счастья и ребячьей влюблённости».

На протяжении своего небольшого эссе Вознесенский неоднократно повторяет строки из «Рождественской звезды», которые, подобно золотой нити ёлочной мишуры, украшают повествование. Непостижимая тайна пастернаковской лирики мучила многих поэтов и знатоков поэзии, но, подобно убегающему горизонту, настигаемое в последний момент выскальзывает из рук:

СОН

*Мне снилась осень в полусвете стекол,
Друзья и ты в их шутовской гурьбе.
И, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.*

*Но время шло, и старилось, и гложло,
И паволокой рамы серебра,
Заря из сада обдавала стекла
Кровавыми слезами сентября.*

*Но время шло и старилось. И рыхлый,
Как лёд, трещал и таял кресел шелк.
Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла,
И сон, как отзвук колокола, смолк.*

*Я пробудился. Был, как осень, темен
Рассвет, и ветер, удаляясь, нес,
Как за возом бегущий дождь соломин,
Грядущим бегущих по небу берез.*

Б.Л. Пастернак (1890 – 1960) родился в семье известного художника Леонида Осиповича Пастернака. Волею происхождения, с живописью он был накоротке, но уже подростком бредил музыкой и сочинял её. Сам Скрябин предрекал ему будущее большого музыканта. В Марбурге знаменитый философ Коген видит в Пастернаке незаурядного философа. Но Борис Пастернак вдруг ощущает, что логический аскетизм мысли – не для него. Его всё время подхватывает и уносит в сторону бурный поток ассоциаций, дух импровизации. На него хлынула лавина стихов:

*Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.*

*Достать пролетку. За шесть гривен
Чрез благовест, чрез клик колес
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.*

*Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.*

*Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.*

Есть у Пастернака книга, которая выделяется среди других, – не потому, что другие хуже, а потому, что она собирает в фокус всё его творчество. Это – «Сестра моя – жизнь», написанная на едином выдохе за лето 1917 года. Она и сделала Пастернака знаменитым. Впервые, после Пушкина, «Сестра моя – жизнь» до выхода в печать расходилась среди поэтов в списках. Здесь уже не каждое стихотворение импровизация, но импровизация – весь этот поэтический дневник. Стихи рождаются из колорита жизни, порой из самого заурядного обихода:

*И когда к колодезю рвётся
Смерч тоски, то мимоходом
Буря хвалит домоводство.
Что тебе ещё угодно?*

Так поэзией становятся милые перепалки с любимой. Есть и раздел «Песни в письмах, чтобы не скучала» и «Занятия философией». Кажется, такой непринужденной жизни поэзия ещё не знала.

Иной читатель скажет: как всё-таки в такое время, в лето меж двух революций, «световой ливень» Пастернака остался поэтическим дневником?

Уже в конце жизни он обмолвился, что попытался выразить всё «самое неуловимое» в революции. Да и в «Докторе Живаго» многие поэтические страницы прозы окликают атмосферу этой книги.

Пастернаку чуждо ощущение космического холода. О нём говорили, что он «очеловечивает» и «одомашнивает» Вселенную:

*И через дорогу за тын перейти
Нельзя, не топча мирозданья.*

Это из стихотворения «Степь», в котором находит прямую переключку с Библией – «В начале Бог сотворил небо и землю». Здесь степь – «вся – дыбящееся виденье». Жизнь и мирозданье для Пастернака остаются святой тайной.

А вот – далёкое прощальное эхо последней книги:

*Как будто внутренность собора –
Простор земли, и чрез окно
Далёкий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.*

*Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной
В слезах от счастья, отстою.*

Думаю, что мы ещё не раз вернёмся к творчеству Б.Пастернака. А может быть, кто-то из наших читателей поделится своими впечатлениями о стихах поэта. Так что продолжение следует...

Нас рано списывать в архив!

От редакции.

Предлагаем вниманию наших читателей главу из книги известного писателя-дальневосточника Владимира Тыцких «Засеки», написанной по итогам шестого автопробега, посвященного Дням славянской письменности и культуры во имя Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Россия. Русские. В XX веке едва ли найдётся такая страна и такой народ, от усилий и жертв которых так бы зависели судьбы мира, как зависели они от усилий и жертв России (Советского Союза) и русского народа. Между тем общеизвестно и общепризнанно: XX век – самый жестокий, самый кровавый век, пережитый человечеством. И главную его тяжесть вынесла на себе Россия, главную кровь столетия явила собой пролитая русская кровь.

*«Слава всем героям, сынам всех народов, погибшим за родину! Слава! И всё же потери славянского населения – в славянской стране! – были слишком большими. Такими, что мы не оправились от них до сих пор. Такими, что через 60 с лишним лет после войны мы терпим «дискурс» о «русском фашизме», который запускает для обсуждения представитель властной «элиты»! Эти потери таковы, что русскому назвать русского – русским, а нерусского – нерусским, это значит автоматически попасть в «экстремисты» и «недочеловеки» – цитата взята из уже представленной нами книги Лидии Сычёвой, из главы, даже название которой нельзя читать без ощущения трагизма русской (славянской) судьбы в XX веке: **«Славяне в России: просвета пока не видно».***

Ещё трагичней для России и русских начались новый век и новое тысячелетие (ужасные реформы образования, дикие нововведения в языке, совершенно извращённая историческая наука, глобальное, всеобъемлющее внушение русским чувства неполноценности и непростительной вины за всё – даже за то, в чём они никогда не были виноваты, что стало для них самих страшной, абсолютно незаслуженной бедой, и т.д., и т.п.). Все эти прелести были предуготовлены демократическими революционерами в 80-90-х годах прошлого столетия, которым в одночасье удалось до основания разрушить гораздо больше, чем с 1917 по 1991 год разрушили их предшественники большевики. С той разницей, что большевики, в отличие от нынешней либеральной власти, уже за первые полтора десятилетия своего правления немало кое-чего и построили.

Эта большая, принципиально важная для нас цитата взята из книги Юрия Крупнова «Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост», выпущенной Санкт-Петербургом

бургским издательским домом «Нева» в серии «Русский путь» в 2004 году:

«СССР развалили во многом благодаря правильно организованному противопоставлению «русских» и других народов, разумеется, «угнетаемых» и «репрессированных», которым якобы дали наконец-то возможность строить своё национальное возрождение.

Наглядно видно это, в частности, через историю с принятием Верховным Советом РСФСР Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г.

Сегодня уже абсолютно ясно, что этот закон имел исключительно популистский и антироссийский смысл, был направлен не на решение проблем, а на повышение шансов отдельных политиков на захват власти и собственное переизбрание в очередную электоральную пору.

Циничные политики при этом как-то «забыли», что «репрессии народов» (а сегодня некоторые «учёные» насчитывают уже до 60 народов, которые надо включить в вышеупомянутый закон) происходили в годы тяжелейшей мировой войны, победа в которой не только принесла освобождение всему миру, но и стоила СССР-России почти три десятка миллионов жизней.

Показательно, что одним из главных результатов принятия этого закона стали две Чеченские войны.

Самое ужасное в этом развале СССР со стороны «национального вопроса» состоит в том, что СССР-Россия являлась и продолжает являться единственной страной в мире, где одновременно сосуществует и полноценно живёт полторы сотни народов...

У этого мирового русского чуда совместного исторического бытия полутора сотни народов есть вполне очевидное, вовсе несекретное объяснение.

Только в России принцип личности каждого человека и каждого народа является исходным, базовым, определяющим – ядром российского всемирно-исторического генома.

...нет ничего удивительного в том, что у русских принцип личности составляет основу их всемирно-исторического бытия.

В основе русского самосознания лежит недовольство

собственным земным несовершенством и трагическое мировосприятие.

Мир для русских изначально трагичен, что, необходимо подчеркнуть, вовсе не означает уныния. Наоборот, это даёт возможность в лучшие моменты своей жизни объективно относиться к собственной судьбе и уникальности своей личности, даёт знание о том, что в жизни есть смысл и ты – вовсе не случайная мошка в мире...»

С этой неожиданной, не кажущейся слишком комплиментарной мыслью – насчёт заведомой трагичности русского восприятия жизни – как-то не хочется сразу мириться. Но... Выдающийся поэт-дальневосточник Вячеслав Протасов обладает на редкость остойчивым* характером, удивительным в литературной среде. О врождённом оптимизме Протасова говорят и преобладающая интонация в его собственных произведениях, и выбор стихотворений для переводов на русский (Протасов – один из лучших современных переводчиков американки Эмили Дикинсон, немца Генриха Гейне и ещё многих европейских, в том числе славянских поэтов). Протасов-лирик не знает рефлексий и напрочь лишён той «слезливости», что весьма свойственна едва ли не всем поэтам. Тем не менее Вячеслав Васильевич подтверждает тезис Юрия Крупнова:

*Наливная, рвущаяся спелость
до краёв и дальше – через край!
Счастье – это чтоб от счастья пелось,
только песни звонче выбирай.
Всё равно – солистом или в хоре,
было бы по сердцу и уму.
...А уроки надо брать у горя.
Счастье не научит ничему.*

Или:

*Ни добра, ни правды, ни святых.
Прут козлища.
Ухает из бездны.
Со своей безгрешной высоты
Погляди на стыд и срам окрестный.
Посмотри, Всевидящий, сюда.
Всемогущий, что ж это творится?!
А придёт день Страшного Суда,
С нас одних и спросится сторицей.*

«...стремление искать своё место в трагической мировой жизни, – продолжает Юрий Крупнов, – давать простор своей личности через служение российской государственности, знать при этом, что «Бог всё видит», что «Око есть» – вот, пожалуй, главная черта русского самосознания.

Это архетип, или геном, говоря биологическим языком, русского человека.

Отсюда русский... – это любой человек, который лю-

* **Остойчивость** – флотский термин, означает способность корабля, судна, выведенного из равновесия внешними силами, например качкой во время шторма, возвращаться в нормальное, изначально-равновесное состояние.

бит Россию, её тысячелетнюю историю, и по доброй воле служит нашей государственности. Не случайно, что русский – прилагательное, что эта прилагательность сама по себе является уникальным явлением.

Русские никогда не были националистами, они ко всему прилагаются, и к ним всё прилагается. Главное, чтобы хорошее прилагалось и без подлости.

Для меня все народы России русские.

Мы правильно не удивляемся странным, казалось бы на поверхностный взгляд, сочетаниям «русский татарин», «русский еврей», «русский немец».

Русские – это не происхождение, не цвет крови или кожи, не избранные фамилии и роды, не этнос и не национальность.

...Русские – уникальный народ, который смог определить судьбу континента, притом не навязывая ему своей национальной идеи. Ведь Россия никогда не была колониальной системой. Русский народ во многих отношениях жил хуже, чем другие народы. В служении целому континенту и тем самым всему миру не остаётся места для обеспечения собственного благосостояния, для чисто бытового устройства жизни. Тот, кто берёт на себя ответственность за человечество, должен за это платить. **НО В НАГРАДУ ЗА СЛУЖЕНИЕ РУССКИЙ НАРОД СОЗДАЛ СВОЮ КУЛЬТУРУ** (выделено мной. – В.Т.)...

Русские – категория вненациональная и надэтническая. И только благодаря этому стала возможна уникальная устойчивая полиэтничность России.

Множественно показано, что чудесное сохранение народов России стало возможно благодаря интеграции любого народа в систему нашей государственности...».

В качестве обоснования своей позиции Юрий Крупнов прибегает, в частности, к работам выдающегося русского ума Вадима Кожина, применительно к данному вопросу явно переключаясь (отчасти полемизируя) с Лидией Сычёвой, Капитолиной Кокшенёвой, Наталией Нарочницкой и другими учёными и писателями, внушающими нам самое неподдельное уважение. Мы видим очень определённую историческую реальность, которая заставляет задуматься над ценностями славянского (русского) мира – хронически «отсталого» и безнадежно «неразвитого» в глазах «лидеров цивилизации» в сравнении с их не подлежащими критике и сомнению ценностями. Как-то вот так случилось: в благородной Европе, до новейших времён не избавившейся от ветхозаветной привычки видеть в нас безнадежных дикарей, легко и навсегда пропали либо превратились, по выражению В. Кожина, в «этнических реликтов» бретонцы и валлийцы, гасконцы и лужичане, полабские славяне и пруссы, фриулы и шотландцы – десятки народов, надо полагать, не меньше всех прочих хотевших жить и достойных жизни.

Экзотически, прямо-таки по-голливудски ярко, но, кажется, не слишком-то человеколюбива и богобоязненна этническая история Америки, где с приходом просвещённых цивилизаторов из Старого Света бесследно исчезли многочисленные племена коренных жителей.

Зато в «варварской» России веками, как пишет В.В. Ко-

жинов, «жили, росли и крепили вроде бы совсем «чужие» русским народы – башкиры, коми, марийцы, мордва, татары, удмурты, чуваш и т.д., а на окраинах столетиями сохранялись даже и самые малочисленные этносы в несколько тысяч и даже в несколько сот (!) человек», тогда как в Западной Европе «Ныне всего только два народа... продолжают отстаивать себя ещё как живые силы – ирландцы (в британском Ольстере) и баски (в Испании и Франции). Много лет они ведут кровавую войну за элементарную национальную автономию...».

Конечно, и здесь не всё просто. К. Кокшенёвой, солидарной с В. Кожинным, возражает Александр Карасёв: «Я в одном не могу согласиться с Капитолиной Кокшенёвой. Она пишет: «...Напомню, что ни один народ не исчез в России царской и советской...». В советской России исчез один народ – казачество. И геноцид казачьего народа – это единственный в новое время пример до конца осуществлённого геноцида. Принято говорить о геноцидах армянского и еврейского народов. Это страшные трагедии. Но сейчас есть армяне и есть евреи. Есть Израиль и Армения (пусть и в урезанных Турцией (с помощью Ленина) границах). А казаков нет. Как народа. Сейчас это рассеянные по всей стране (и дальше) клубы по интересам из людей, увлекающихся военно-патриотической деятельностью (по типу ДОСААФ) и наряжающихся в казачью форму на потеху публике. Большинство же из потомков уцелевших казаков о своём казачьем происхождении не догадываются или не интересуются им. А до революции было в России четыре русских народа – великороссы, малороссы, белороссы и казаки. Причём казаки никогда не были великороссами».

Позиция Карасёва вызывает сочувствие, но данная реплика едва ли уместна в контексте разговора, который ведёт Кокшенёва. Казаки не были уничтожены Россией, они уничтожены в России (тут не игра слов, а принципиальная разница!) теми силами, которые хотели бы уничтожить саму Россию и сегодня не только не оставляют своих попыток, но даже весьма преуспели. Главным идеологом раскачивания явился Лев Троцкий (Лейба Бронштейн), полагавший необходимым поголовное истребление казаков на том основании, что это, по его мнению, единственная часть русского народа (он всё-таки считал казаков русскими), которая способна к сознательной самоидентификации и, стало быть, к самозащите и самосохранению. Огорчительная публицистическая неуклюжесть Карасёва в полемике, возникшей вокруг статьи «Липа в Липках» («Литературная Россия», 2009, № 43, 44-45), создаёт парадоксальную картину – Карасёв спорит с Кокшенёвой, по сути, радея о том же, за что она бескомпромиссно борется. Тоже наша, так сказать, семейная проблема – типа бей своих, чтоб чужие боялись.

Может быть, особенность многонациональной России, сама её жизнь и история, конечно же, во многом predetermined характером государствообразующего народа, как раз и не дают спать спокойно устроителям нового мирового порядка, которые и в самой России находят достаточное количество ненавистников славянства? Иначе чем объяснить очевидный факт,

что в России у русских так много нелепых, совсем не обязательных проблем, что так, скажем прямо, неважно чувствует себя в России именно русская, славянская культура?

«За годы «реформ» в России выведена совершенно новая порода «деятели культуры» – без стыда, совести, вероисповедания, национальности, а иногда и пола. Эту новую генерацию беспрестанно нам демонстрирует телевидение, «артистам» же рукоплещет зал – сытые, хорошо одетые люди со счастливыми, смеющимся лицами...»

Прервём цитату. Кажется, на юбилейном вечере М. Жванецкого, запись которого не один раз транслировалась по Центральному ТВ, примадонна А. Пугачёва с едкой иронией человека, глядящего на мир с большой высоты, заступилась за «артистов, евреев и педерастов». Очень, конечно, своевременно – сегодня именно им особенно тяжело живётся в России... Показательно, что наше человеколюбивое телевидение не сочло возможным сократить звёздную эскападу, считая, видимо, своим державным долгом дело защиты артистов, евреев и педерастов.

«Невостребованность ума, здравого смысла и совести – вот суть современной российской культурной политики. А вместо этого – суэта по проеданию денег, много шума из ничего, шутовство, паразитирование на прошлом...»

Запретили сегодняшней российской культуры не только атеисты и безбожники, но они как-то убого лишены того, что и называется культурой – голоса вечности, вселенной...

Русская национальная культура существует, но лишь вопреки государственной политике...

Культурная революция, о которой так долго мечтали угнетённые в СССР классы (люди, не способные к разумному материальному самоограничению), свершилась. В результате этого переворота духовная жизнь отдельного человека, страны или нации больше не рассматривается как ценность. Теперь это такое же торжище, как и всё остальное...

История народов всегда была историей борьбы идей, воплощённых в культурных достижениях, способе строительства и экономическом прогрессе.

Славянская идея дежурно вспоминается один раз в году – в День славянской письменности и культуры... По большому счёту, славянская идея давно уже списана «в архив». Но не рановато ли? «Против славянских народов идёт и физический, и духовный геноцид. Мы должны защищать православие, армию и кино – то, что является образом нашей духовной жизни», – заявил болгарский кинематографист Маргарет Николов. И он, в общем-то, не одинок – уж слишком разительно славянская всеотзывчивость отличается от западной толерантности...».

Это пламенное слово в защиту нашей культуры, зовущее славян к единению, принадлежит Лидии Сычёвой. Когда мы едем в наш автопробег, мы чувствуем, что Лидия Андреевна – рядом с нами. И рядом с нами десятки других честных соотечественников. Тех, кто любит Родину и болеет душой за её будущее.

ЮНГА ОГНЕННЫХ РЕЙСОВ

Татьяна Овчинникова,
г. Уссурийск.

конкурс

В его жизни была война

Иван Степанович Щур родился 23 марта 1929 года в селе Новая Девица, что в Хорольском районе Приморского края, недалеко от знаменитого озера Ханка. Очень гордился отцом, который во времена гражданской войны был партизаном, служил в отряде Топоркова, а демобилизовавшись, работал в селе кузнецом. Недюжинной силой обладал его отец и отменным здоровьем. Жили справно. «Когда человек крепко на ногах стоит, никакие жизненные катаклизмы его не смогут сломить», – часто говорил отец. Но человек предполагает, а Бог располагает. В то время пошла по стране страшная волна репрессий. Мужиков из села забирали, почему – то именно крепких, здоровых, это отмечали все. Мать не раз просила отца уехать хотя бы на время. «Смотри, вот и мельника забрали», – говорила она. – Чует мое сердце беду...» На что отец отвечал ей: «Ну раз забрали, видимо, есть за что. Моя-то в чем вина? Воевал, верой-правдой отчизне служил и служу. Что ты, мать, плачешь?» Но в самый разгар зимы, глухой ночью, и в их дом постучали трое военных. Эти минуты Ваня запомнил на всю жизнь. Ужас в глазах матери и растерянное лицо отца, его большие натруженные руки, которые он почему-то старался спрятать, видимо, пугаясь их силы. Ведь он легко подкову этими руками мог согнуть. Уходя, отец сказал Ивану: «Недоразумение это, сынок. Я вернусь скоро». Но он не вернулся. Так и сгинул в Сибири на каторге. Матери приказали в короткое время покинуть село. Ссылки из Приморья их семья избежала только потому, что многодетной была. Трех успели родить отец с мамой. Мать приехала в Уссурийск, устроилась дояркой в подсобном хозяйстве в одной из кавалерийских частей. Так и выживали.

Когда началась Великая Отечественная война, Ване Щур было тринадцать лет.

В разгар войны с гитлеровской Германией перед морями-дальневосточниками возникла острая проблема кадров, которая была вызвана не только потерями, но и значительным пополнением пароходства судами за счет переданных из других бассейнов страны и портов – Мурманск и Архангельск – и приобретенных по ленд-лизу в США. Кроме того, к этому времени произошла мобилизация моряков торгового флота на фронт и военные корабли Тихоокеанского флота. Не хватало для работы на судах кочегаров, машинистов, матросов и людей других морских специальностей. Для решения кадрового вопроса и обеспечения заданий Комитета обороны морями 15 июля 1942 года народный комиссар морского

флота СССР подписал приказ о введении на судах ученичества из числа подростков в возрасте 14 лет. Однако этот шаг правительства не разрешал всех проблем с кадрами, и тогда 16 октября 1942 года приказом № 300 наркома морского флота СССР был введен на суда морского флота институт воспитанников-юнг, разрешающий принимать на флот подростков 12 лет.

В путь

– К нам в школу, – вспоминает Иван Степанович, – прибыл бравый военный в форме морского офицера. Рассказывал об открывшемся морском вузе, о перспективах, которые открываются у молодых людей после обучения там. В общем, вербовал для учебы, а потом и для службы на флоте. Как не попасть на пароход, тем более если тебя туда приглашают. Об этом, наверное, каждый мальчишка приморской стороны мечтает. Денег на дорогу, естественно, не было. Забрав из дому только хлебные карточки, мы с другом на подножке вагона отправились во Владивосток. Но, поскитавшись там какое-то время, исхудавшие, все в лишениях, так и не найдя, куда же обратиться, таким же "макаром", на подножке, мы вернулись домой. Вторая попытка была более удачной. Потому что в мореходство меня привезла мама. Нас на разгрузку угля поставили, – рассказывает Иван Степанович. – Многие не выдерживали. Уходили. Мы ждали своего распределения. Я ростом был невелик. На корабли в первую очередь забирали рослых мальчишек. Мы же с волнением ждали своего часа. Но и на каком попало корабле служить тоже не хотели. Ясное дело, что офицер – это лицо своей части. От неряшливых на вид «покупателей» мы прятались, а придет надраенный, отутюженный военный – тому мы уже все глаза промозолим. И вот наконец пришел день, когда и я заслужил внимания. «Больно уж мал», – сокрушался офицер-покупатель. «Ничего, зато он у нас комсомолец», – заступился за меня командир. Так я попал на красивейший пароход «Ереван».

Разные поначалу приходилось выполнять работы на корабле, и в то же время был прописан вторым номером при боевом оружии. Первый рейс был в Канаду в июне 1944-го. Оттуда мы везли зерно. Потом ходили в Америку, в Сан-Франциско. Оттуда везли паровозы, самолеты, боевую технику во Владивосток.

Победа

– И победу я встретил в Америке. 9 мая после торжественного митинга на корабле нам законные 12 долларов выдали и увольнительную на берег. Русских в то время за границей много было. В Сан-Франциско процентов 90 наших – одесситы. Нас об этом старшие проинформировали. Я и еще двое ребят гуляли в парке. Там на пляже аттракционы показывали. Моржи через огненные кольца прыгали. Мы с друзьями переговариваемся, мол, как же они в воде-то гореть умудряются. Тут к нам человек подошел и, не скрывая волнения, сказал: «Ребята, да вы русские! Победа же сегодня!» Как бы хорошо ни было на чужбине, но душа – она всегда к родному тянется. Еще больше разволновался этот человек, когда мы ему еще и приврали, мол, из Одессы мы. Он даже за сердце схватился: «Из Одессы?! А на какой вы там улице жили?» «Да на Ленина», – без зазрения совести врем ему. «Да вы что, ребята! Там же завод моего деда! Как он? Еще стоит, функционирует?» В общем, на его особняке, в пригороде, мы и встретили победу. Естественно, выпили. Нас к кораблю, как положено, к четырем доставили. Но командование уже знало о нашей поездке. Разведка донесла. Взгрели нас за такую встречу дня победы. Я, как несовершеннолетний, выговором отделался, а ребят по прибытии во Владивосток списали.

Герой нашего времени

– А вот геройского мне так и не удалось ничего совершить за время службы. Если не считать случая, который произошел уже в сорок пятом. Мы шли тогда из Сан-Франциско. Помню, рельсы наваривали на борту, а к ним крепили паровозы. Это чтоб во время шторма не болтало. Поступила команда зайти в город Петропавловск, взять морскую пехоту. Пришли в порт, а там проблема возникла: крана нет такого, чтобы снять паровозы. Пришлось из трюмов все повыкидывать. Погрузились. Шлюпки вывели за борт, плоты тоже. На всякий пожарный. До личного состава, конечно, не доводили, куда курс держим. Знали одно, что особо важное задание было доверено «Еревану». Так, с паровозами на борту, и двинулись выполнять боевое задание. Я в то время уже поваром работал. Поставил молочную лапшу варить и думаю: «Пойду подышу свежим воздухом». Одним из наших любимых мальчишечьих развлечений было торчать на палубе и на воду смотреть. На рыбу, как она там косяками ходит. На буруны. Иногда мины плавучие, поскрипывая, как страшные привидения, на пути возникали. Ох как нам было интересно! Кричат, например: «По правому борту мина!»

Мы – туда. Гоняли моряки, но мы все равно к бортам лезли. В этот день море было спокойное. Я засмотрелся на воду. Откуда самолет взялся японский – не пойму. Да как врубит по нам! Рубку разбил, где вахтенные находились. Они попадали. Стекла летят. Я вначале опешил, так это было неожиданно. Потом огляделся, никого. Вахтенные так и не поднялись, явно убитые. Дальше все, как в кино, происходило. Я, как был в белой поварской куртке и в колпаке, – к пулемету! И несколько очередей по самолету даю. Удивительно, но он развернулся и ушел. Я подождал немного, самолет так и не вернулся. Сбил, не сбил – не знаю. Тут я о молоке вспомнил. Забегаю на кухню, а там – дымище! Я вентилятор включил и давай из кастрюли лапшу пригоревшую вываливать. Слышу, что-то брякнуло. Пуля, оказывается, котел пробил. Тут слышу, на палубе кричат: «Кто стрелял? Кто стрелял?» Ну, думаю, все, отплавался. Придем во Владивосток, спишут. Командир меня к себе вызвал, говорит: «Ты ведь только в белом был?» Я молчу, голову опустил. «Стрелял?» – спрашивает. Ничего не поделаешь, пришлось признаться. Но тут случилось то, чего я совершенно не ожидал. Командир обнял меня, притянул к себе и, поцеловав, сказал: «Спасибо, сынок, за службу, спас ты нас». В «Ленкомна-те» заметку в боевом листке про меня написали, «геро-ем нашего времени» назвали. Пулю эту, японскую, мне на память подарили. Говорят, «твоя» она была, по всей видимости, да сам Бог отвел. Серьезные матросы после того случая долго при встрече со мной останавливались и честь мне, как настоящему герою, отдавали. Ну а как потом выяснилось, шли мы с десантом в город Сейсин. Это было в конце июля 45 года. Если заглянуть в историю, то как раз накануне военных действий против Японии, непосредственно против Квантунской армии, которая на длительные годы расположилась, как у себя дома, в Северном Китае и Корее. А Сейсин они превратили в военно-морскую базу японского флота. Там огромная по численности армия стояла. Дзоты, доты, траншеи – все это между собой соединено было подземными ходами. Подступы к морю были заминированы. В городе военная промышленность развита была. Важный узел, крепость. Командование Тихоокеанского флота для овладения Сейсином решило подготовить и провести десантную операцию. А перед началом операции решило провести разведку боем. В порт мы заходили с поднятыми морскими флагами, будто терпим аварию. Это для того, чтобы японцев ввести в заблуждение. Они нас, конечно, ждали, но корабль остановился на оптимально безопасном расстоянии. И маневр удался. Мы их все – таки застали врасплох. На нашем корабле было более 10 орудий: пулеметы, пушки, в том числе и «катюши». Можно представить, что началось на острове после того, как все эти орудия заработали. Еще корабли подошли. Высадили десант. Эта страшная картина и сейчас пред глазами стоит, не описать. Как в мясорубке были перемолоты люди. Сколько полегло и наших, и японцев. После боя мы ходили по берегу, помогали собирать документы убитых. Трупы засыпали песком, чтоб до прибытия санитаров не разложились, и табличку в голову ставили с именем и фамилией.

Чужие

– Кто-то японцев по белым перчаткам запомнил. А мне они жестокостью запомнились. И еще что – то в них такое было. Чуждое. Непонятное. Наш корабль подошел к берегу Ляодунского полуострова для переброски десанта в Порт– Артур. Приказа вести артиллерийский огонь не поступало. Город должен быть сохранен. В приказе так и указано было: "Минимум разрушений". Японская армия полностью была блокирована как с суши, так и с воздуха и воды. Корабли, высадив десант, пришвартовались на безопасном расстоянии, заняли выжидательную позицию. Вот здесь в течение двух дней их подводная лодка нас "мурыжила". Мы дежурили на палубе с автоматами. Лодка выйдет на поверхность, покажет перископ – и в воду. Потом все-таки всплыла; видимо, команда поняла безысходность положения. Помню, нас построили на палубе для встречи сдавшихся японцев. Мы стояли в шеренге: солдат – матрос, солдат – матрос. Первым делом они что-то выносить начали на носилках. Потом мы уже узнали, что это трупы их офицеров. Солдаты, перед тем как сдаться, их перерезали. Приказ такой был: "Офицерам не сдаваться".

Про Чапаева и медведя

– По пути в Порт– Артур в Цусиме пришлось побывать», – вспоминает Иван Степанович. – На том месте, где в 1905-м была потоплена наша русская эскадра. Там был организован митинг. Залп в память о погибших дали. А после торжественной части – концерт. Матросы «Яблочко» танцевали, и Мишка наш с ними. Медведь. В матроской форме и в бескозырке. Тоже выплясывал. Это любимчик нашей команды был. Мы его, киноаппарат и пленку с фильмом о Чапаеве в Магадане выменяли за табак. Помню, этот фильм мы сотни раз смотрели за время плавания. Иногда даже, если оператор пленку поленился перемотать, то и верх ногами и задом наперед смотрим. Развлекались так. А Мишка – это даже не развлечение было, а как родной, как член команды. Несколько лет с нами плавал, ласковый был, сладости у всех выпрашивал. Но неприятная история приключилась. Это было в Америке. За медведем ухаживал один матрос. В этот день они гуляли по верхней палубе, и Мишка сходил по нужде. Матрос подцепил лепешку на совок и выбросил вниз. А там, к великому огорчению, в этот момент находился капитан, который перед приходом в порт белый китель надел. И вот на эту белизну и на голову капитана попало каким-то образом содержимое совка. Капитан в бешенстве заскочил на палубу и застрелил медведя. Вся команда ему бойкот объявила. Всю дорогу не разговаривали. Ему ничего не оставалось делать, как списаться на берег по прибытии во Владивосток. От греха подальше.

Роковой день

– Плавал я до сорок седьмого года, – рассказывает Иван Степанович. – В Америку семь ходок за это время сделал. У меня и тени сомнений не было в том, что свою дальнейшую жизнь я навсегда свяжу с морем. В ту пору вместо морских удостоверений (мы их мореходками называли), которые давали право быть беспрепятственно

в любой точке земли и, соответственно, за границей, стали вводиться загранпаспорта. Перед тем как выдать такой паспорт, человека тщательной проверке подвергали. Помню этот день. Прямо с утра сердце, как будто что-то предчувствуя, ныло. Когда к кораблю подошел катер и на палубу поднялись представители власти, я уже точно знал, что это за мной. «Щур с документами на выход!» – эти слова прозвучали как приговор. Судимость отца была единственной причиной моего списания на берег. Потому за граница по вновь принятому закону для меня стала закрыта. Помню, как мне было обидно. Ведь я столько раз был там. А предложений сколько было остаться!..

В 1949 году призвали на срочную службу. Служил механиком-водителем. Потом меня поваром поставили в солдатскую столовую. Когда началась корейская война, в офицерскую перевели. Самому Малиновскому Родиону Яковлевичу готовил. Но только три дня. Приехали из КГБ меня арестовали. Я сразу понял, по какой причине. Сидел в каталажке. Потом допрашивали. Кто отец да что? Я уже и дерзить начал им. Говорю, отец героически погиб на войне. Допрашивающий даже взбесился. «Враг народа твой отец был!» – заорал. Спасло меня то, что, видимо, у одного из офицеров такая же ситуация в семье была. Он постарался «замять» конфликт. Допросив меня, хотели поставить снова поваром к солдатам, но я наотрез отказался. Дослуживал механиком. Отслужив, вернулся домой, в Уссурийск. Женится. Сорок лет проработал на Уссурийском танковом заводе слесарем. Звание «Ветеран труда» имею. Вот недавно золотую свадьбу справили с супругой. С семьей мне повезло. Рая удивительная хозяйка. Весь уют в доме ее руками создан. Трудолюбивей человека я не встречал. Дети меня тоже радуют. Сын и дочь у нас. А еще три внука, внучка, два правнука, две правнучки... Вот какое потомство. Здоровье вот немного пошаливать стало. И у меня, и у жены. Года берут свое. Я до шестидесяти лет в больнице не был ни разу. Всегда, когда выступаю перед молодыми ребятами, говорю, что здоровье надо смолоду беречь. Помню, когда юнгами были, некурящим командир шоколад вместо папирос выдавал. Килограмм на месяц. Нас шестеро мальчишек на корабле было, и все шоколад ели. Не курили, то есть. И за всю жизнь ни я, ни мои друзья сигареты в рот не взяли.

Более шестидесяти девчонок и мальчишек из Уссурийска во время Великой Отечественной войны служили юнгами. А сейчас их осталось четверо. Уходят люди, вместе с ними уходит целая эпоха. Несмотря ни на что, Иван Степанович очень доволен своей судьбой. Ведь самое главное в жизни – это семья. Чтоб счастливыми в ней все были, здоровыми, чтоб небо над головой было мирное. Ордена и медали хранит он, как и положено, на парадном пиджаке, который надевает на все городские мероприятия с участием ветеранов. Очень гордится орденом «Великой Отечественной войны», медалями Ушакова и Нахимова; любит вино собственного производства, а так же овощи и фрукты, выращенные своими руками на своем участке. С годами не утратил чувства юмора и жизненный оптимизм.

Русский поэт Александр Солодовников

*Дано ль мне Бога возлюбить
От всей души и разуменья?
Не только радостно хвалить
За красоты Его творенья,
Но безгранично доверять
И всё от Бога принимать
Без ропота и принужденья.*

И он, до дна испивший чашу страданий в колымских лагерях, всё принимал от Бога «без ропота и принужденья».

Православный русский поэт Александр Солодовников в официальной литературе не был известен. Его стихи читались только в узком кругу московской интеллигенции – лишь в конце жизни появилось несколько публикаций на Западе.

Весь его облик, по воспоминаниям одного «из семьи потомственных священников» – Николая Соколова, «говорил о глубочайшей внутренней культуре и интеллекте». Он свободно говорил и переводил с английского и французского, занимался археологическими исследованиями. «Его поэзия, – пишет Н. Соколов, – очень автобиографична. Это поэтический человеческий документ – стихи чудом выжившего узника сталинской каторги. Если даже не знать судьбу автора, то достоверность боли в его строках не вызывает сомнения».

Вера в Бога и жизнь по этой вере, образы евангельских идеалов: любовь, мир, добро, всепрощение – основа его творчества. «Самое главное то, – говорил он, – что своей душой мы, люди, можем понимать, что такое добро и что такое зло... Самоотверженная борьба со злом должна вестись не только во внешнем мире, но и в самом себе... Человек, уверовавший в Бога и живущий по Евангелию, знает о добре, Истине, красоте и может желать их и находить».

Может, потому и нет в его стихах «ни тени озлобления и надлома, неизжитого страха», что «на милость Божью уповал, Его премудрости предал себя без всякого сомненья и лишь, прося себе терпенья, Осанна Богу воспевал», с благодарением Всемогущему Человеколюбцу, «даровавшему силу душе и телу пройти мрачный тернистый путь, не уязвив себя и не унизив в себе человеческого достоинства».

В последние годы, свидетельствует Н. Соколов, Александр Александрович Солодовников тяжело болел и очень нуждался, даже голодал. Близкие, знавшие его жизнь, часто приглашали его, чтобы просто покормить. Но, человек такта и благородства, он не позволял себе воспользоваться искренними и добрыми приглашениями.

В 1974 г. А.А. Солодовников скончался. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

В 1996 г. было опубликовано собрание его стихов «Слава Богу за всё!» в журнале «Кормчий», издатели которого просили «всех, кто обнаружит неопубликованные стихотворения А.А. Солодовникова, сообщить в редакцию журнала» с тем, чтобы, «если на то будет Господня воля», переиздать более полное собрание стихотворений (храм во имя Преображения Господня; 123371, Москва, Волоколамское шоссе, 128).

Предлагаем читателям подборку стихов А.А. Солодовникова из собрания его произведений «Слава Богу за всё!», опубликованного в журнале «Кормчий».

Единому

*Смотреть на мир – как это много!
Какая радость без конца!
Смотреть на мир и видеть Бога,
Непостижимого Отца.*

*По вере жить – как это много!
Не уклоняясь от креста,
По вере жить и славить Бога,
За нас распятого Христа.*

*В молитве быть – как это много!
Встречать сердечную весну.
В молитве быть и слышать Бога,
Святого Духа тишину.*

* * *

*Как Ты решаешь, так и надо.
Любою болью уязви.
Ты нас ведёшь на свет и радость
Путями скорби и любви.*

*Сквозь невозвратные утраты,
Сквозь дуновенья чёрных бед
В тоске взмывает дух крылатый
И обретает в скорби свет.*

*Из рук Твоих любую муку
Покорно, Господи, приму –
С ребёнком смертную разлуку,
Темницу, горькую суму.*

*И, если лягу без движенья,
Когда я буду слеп и стар,
Сподоби даже те мученья
Принять как благодатный дар.*

*Как Ты решаешь, так и надо.
Любою болью уязви.
Ты нас ведёшь на свет и радость
Путями скорби и любви.*

Природа

*Чтоб видеть Божью красоту,
Не надо улетать на «ТУ»
На сверхдалёкую версту.
Будь только тих, уйми рассеянье,
И ты в любом летучем семени
Найдёшь души Всемирной веянье.*

На московском асфальте

Иду по Москве,
по асфальтовой корке,
Гляжу:
на асфальте топорщатся горки...
Усилим воли могучий, как сталь,
Какой-то силач
пробивает асфальт.

И вот он просунул
победный флажок –
Зелёный листок,
тополевый росток.
Машиною крепко укатано было,
Но сила росточка
асфальт победила.

Программа, теория,
жёсткий устав
Слабее живого давления трав!

* * *

Как дерево в саду
Ты подстригал меня,
Побеги счастья все срезал,
не дав развиться.
Угас ребёнок мой,
что был мне краше дня,
Рассыпалась семья,
и вот я сам в темнице.

Но я люблю Тебя, Отцовская рука,
Мне наносящая
пронзительные раны.
И сердце полнит мне блаженство,
не тоска.

Люблю тебя, люблю
и в гимнах славить стану.

* * *

Мне не понять,
зачем внезапный вихрь
Вокруг меня бушует злобно так.
Но ведь Господь следит
мой каждый шаг.
Спокоен я.
Мне не сорвать
таинственный покров,
Каким для нас грядущий день одет.
Что он скрывает,
темноту иль свет?

Вверяюсь я.
И в час прилива мне не разглядеть,
Еще далёк ли берег мой родной,
Но знаю я –
Господь всегда со мной,
И счастлив я.

Слово Божье

Как ни стремится наше знанье
Постичь загадку мирозданья,
Но ум бессилен всё равно.
Не охватить нам мир бескрайний,
За тайной возникает тайна,
И всё по-прежнему полно
Непостижимостью священной.
Не самочинно, а смиренно
В неё проникнуть суждено,
А в слове Божьем нам дано
Самораскрытие Вселенной.

Святая Русь

Мне задают вопросы злые,
В которых затаён укус:
– Ну, где ж извечная Россия?
– Ну, где ж она, Святая Русь?

Осталась лишь архитектура,
Но это – церкви без крестов
И древняя литература –
Набор полузабытых слов.

Остались древние иконы,
Но это мир эстетских глаз,
И выросли музеев зоны –
Приманка интуристских баз.

А я в ответ: – Побудьте в храме
Под праздник, в тесноте людской,
В той давке выстоит часами
Подвижник только и герой.

Но посмотри: народ церковный
Стоит в жаре плечом к плечу,
Стоит, прообразуя словно
Одну горящую свечу.

Между старушками простыми
Стоят учёные мужи,
Живым усердием движимы,
В ком нет охоты – убежит.

Отсюда выводы большие
Я сделать радостно берусь:
Вот где извечная Россия!
Вот где она, Святая Русь!

* * *

В борьбе за хлеб, в земной тревоге
Нам суждены удары в грудь.
Но лишь сойдя с большой дороги,
Мы обретаем правый путь.

Всё не сбылось, о чём мечтали,
Бредём и мы в толпе калеk,
Но чрез утраты и печали
Растёт духовный человек.

* * *

Я сижу один вечерами
И гляжу на один портрет:
Нежный мальчик
с большими глазами
Ясным взором глядит на свет.

Чем я дольше гляжу, тем жальче,
Слёзы жгут горячей огня –
Этот ласковый
беленький мальчик
Превратился, увы, в меня.

Слава!

Дивным узором цветы расцвели.
Господи, слава Тебе!
Благоухает дыханье земли.
Господи, слава Тебе!

Неугасимые зори горят.
Господи, слава Тебе!
Коростели за рекою кричат.
Господи, слава Тебе!

Ясные реки звенят в тишине.
Господи, слава Тебе!
Длинные травы струятся на дне.
Господи, слава Тебе!

Птицы поют
в тайниках своих гнёзд.
Господи, слава Тебе!
Вечность мерцает в сиянии звёзд.
Господи, слава Тебе!

Светлой грядюю встают облака.
Господи, слава Тебе!
Чаша небесная дивно легка.
Господи, слава Тебе!

Люди окончили день трудовой.
Господи, слава Тебе!
Песня встаёт
над росистой травой.
Господи, слава Тебе!

Дети уснули, набегавшись днём.
Господи, слава Тебе!
Ангелы их осенили крылом.
Господи, слава Тебе!

Все успокоенно гаснет окрест.
Господи, слава Тебе!
Но не погаснет
над церковью Крест.
Господи, слава Тебе!

**Подготовила раба Божья Надежда,
храм Благовещения Пресвятой
Богородицы, г. Арсеньев**

ВАСИЛИНА ОРЛОВА – ЛАУРЕАТ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Литературная газета», старейшее и легендарнейшее печатное издание России, отметила в Москве, в Малом театре, свой 180-летний юбилей.

В финале вечера главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков торжественно вручил нынешним лауреатам традиционные ежегодные литературные премии имени **Антон Дельвига**, одного из основателей газеты. Обладателями награды стали: участник Великой Отечественной войны Андрей Турков – за многолетнее сотрудничество с «ЛГ» и литературно-критические книги и статьи последних лет, Дмитрий Каралис – за прозу и публицистические выступления в «ЛГ» и юная **Василина Орлова** – за поэтический сборник «Босиком». Четвертую премию получил на церемонии не присутствовавший Рене Герра из Франции – за исследование литературы русского зарубежья и укрепление российско-французских культурных связей.

Василину Орлову главный редактор «Литературки» отметил особенным образом, сказав, что газета по традиции и с большим удовольствием следит за работами молодёжи. В беседе с корреспондентом «Труда» Юрий Поляков заявил, что редакция представляет себе своего читателя как человека зрелого, однако сотрудничества с молодежью это не исключает: «Наш читатель – это все-таки зрелый человек, который думает не только о своей судьбе, но и о судьбе своей страны. И это вполне нормально, потому что для студенчества есть молодая журналистика, и мы не хотим, грубо говоря, отбирать клиентов у других. Но у нас есть рубрика «Литературный резерв», которая открыта для молодых писателей. За молодой литературой мы следим очень внимательно, в каждом номере у нас есть дебют, в юбилейном номере, например, мы опубликовали стихи поэта из Калининграда», – рассказал Юрий Поляков.

Василина Орлова родилась в 1979 г. в Приморье, в поселке Дунай, где располагалась база подводных лодок Тихоокеанского флота. Отец – офицер-подводник, вскоре стал военным журналистом и был переведен в Москву в газету «Красная звезда».

Василина участница автопробега, посвящённого Дням славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия 2006 года. Итогом участия стала книга «Русский остров», увидевшая свет в издательской программе «Народная книга».

Выпускница философского факультета МГУ имени Ломоносова, член Союза писателей России, автор книг прозы «Вчера», «Стать женщиной не позднее понедельника», «В оправдание воды», «Пустыня», поэтических сборников «Одна живем», «Босиком» и других.

За книгу «Босиком», изданную Морским государственным университетом, Василина Орлова и получила лауреатское звание в Москве. От всей души поздравляем землячку с победой и желаем новых творческих побед!

**Литературная студия «Паруса» МГУ
имени адмирала Г.И. Невельского**

Фото Анастасия Степаненко

Василина ОРЛОВА

* * *

*Хоть в этом взгляде ненароком
Я углядела небо детства,
Ты оказался неглубоким,
Как в марте лужа у подъезда.*

*По луже парус плыл бумажный,
Из пенопласта бригантину,
А может, шхуна. А, неважно,
И так знакомая картина.*

*И всё в той луже отражалось,
Тонуло... В обреченном взгляде.
Ты уходил, какая жалость,
С самим собою не поладив.*

*Да, ты, увы, не остановлен.
Сейчас сказать вполне уместно,
Что ты казался мне бездонным,
Как небо над моим подъездом.*

* * *

*Эх, бабья подлая природа.
Да как я выдумать могла
Пойти средь этого народа
Всерьез разыскивать тепла?*

Я родилась в селе Дунай

Василина ОРЛОВА,
г. Москва

Дедов дом

Тот поистине светел
и счастлив дом,
Где каракули детские на листьях,
И стихи о любви, и о том, о сём,
На столе, под столом,
и в иных местах.

И крыльцо, у которого веник,
жёлт,
И пяток паучков на печи, и кот...
Дом, из коего ты поутру ушёл
И вернулся вечером, через год.

Гладиолусы розовые в банке там,
В трёхлитровой, пузатой,
Калины гроздь.
Всё завяло, пока
ты по городам...
Уходил – хозяин, вернулся – гость.

Дом впадает в спячку
каждой зимой,
Когда гомон ребячий
стихает тут.
Засыпает, но знает печной золой,
Знает каждой половицей:
Они придут.

* * *

Я родилась в селе Дунай.
Сейчас там, говорят,
Такой развал, такой раздрай,
Разлом, исход, распад.

Точнее, это гарнизон
Военный был тогда.
И бороздили горизонт
Линкоры и суда.

Закат окрашивал Дунай,
Когда в Москве рассвет.
Дальневосточный
Грозный край.
Дуная больше нет.

Никто не смог, никто не спас.
Разрушенный причал.
Державы ядерный запас,
Начало всех начал.

Босое детство там моё.
Огонь на маяке.
Вода железом отдаёт.
И влага на щеке.

Подводный ядерный форпост
На дальних рубежах.
Подводный лодочный погост,
И лодочки лежат...

В осколках, в ржавчине, в золе
Мой Китеж-град немой.
Он предан был своей земле.
Точней – своей землёй.

* * *

Нет, не сразу, не сразу.
Сначала заварится чай
И немного остынет,
В себе часть окна растворяя.
А потом отхлебни –
Синий взгляд упадет невзначай
На невзрачный листок,
Что от чтения оберегаем.

Время меркнет. Смелее,
Открой и смотри, что внутри.
Мой неведомый друг,
Что увидишь – тебе адресую...
Это медлит рукав,
Зацепившись за ручку двери.
Это дрогнуло небо,
Что в чашке разрывы рисует.

* * *

Вселенные зарождались и умирали.
Пылинки витали у белой стены
сарая.
И тучи шли эшелонами
над горами,
И я стояла у моря, у самого края.

Всё было здесь,
да, всё-превсё уже было.
И море о берег себя сгоряча
крушило,
И тени цветные дрожали,
мерцали и плыли,
И листья бросались под ноги,
кружа и рыжая.

И резала небо леска
канатной дороги.
Кричали чайки,
и пароход отчаливал.
И ты говорил, и я говорила
подолгу,
И ты молчал, и я иногда молчала.

Всё было здесь, и было
всего довольно:
Неба над аркой курчавого
винограда,
Камешков под ногой –
набегают волны
И с грохотом перекатываются.
Так надо.

Жёлтый маяк.
Загустевают сумерки.
Выцвело море,
и горы в закат окрасило.
На ночь нынче передавали
заморозки.
Всё было здесь.
А было всего-то-навсего.

* * *

Господи, говорю,
Дай, говорю, мне силы.
Всё, на что я смотрю –
Величественно красиво.

Господи, это я.
Слабая и живая.
Это моя земля.
Вертится, не ржавея.

Свод голубой померк.
Наши следы померкнут,
Словно следы водомерок
И водомерков.

Не элегия

Но с кем бы, Арджуна, я здесь
ни сражалась,
Кому ни сдалась бы –
всё это неважно.
В моем подчинении
верной осталась
Флотилия парусных лодок
бумажных.

Смена декораций

Илья ЦЕЙТЛИН,
г. Чикаго, США

Сквозное

Сколь бесконечно пусто в ноябре,
знать, оттого
у взгляда нет преграды.
Не ворошите прошлое. Не надо.
Не отогреть в утраченном тепле
озябших рук. Нехитрая награда –

гербарий фотографий. На полях
пометки: даты, имена, названья...
Нас наделяет время забываньем.
Листать альбом, губами шевеля,
и задышаться непереживаньем.

Тупеет боль под корочкой времён,
черствеет то,
что мы душой считали.
За суетой теряются детали.
Всё, что осталось –
вялый полусон?

Нет! Не хочу!
Должно быть, мы устали.

Не улететь за тридцать морей,
да и зачем? Не следует. Не надо.
Мороз смирил останки
листопада.

Сколь бесконечно пусто в ноябре.
Знать, оттого
преграды нет у взгляда...

В обнимку с одиночеством

Зиме отчаливать не хочется,
она роняет снегопад,
и город искажённо корчится.
А я, в обнимку с одиночеством,
бреду сквозь вечер наугад.

Во мгле дороги продолжение
и горизонт от снега ряб.
Взгляд, спотыкаясь о сомнения,
кружит до головокружения
над пустырями февраля.

Зима – румяная буфетчица,
расхваливает свой товар.
Но одиночество не лечится,
и сердце ошалело мечется,
стараясь выдюжить удар...

Времена

Душно при скоплении народа.
Тошно в одиночестве в глуши.
А зима – не просто время года,
но и состояние души.
Сердце переборами грешит.

На душе чертовски переменю,
острые эмоции в цене.
Оттепель случится непременно,
пляшет лучик света на стене.
Только бы оттаять по весне.

При весенней смене декораций,
просветлённо взглядываясь вдаль,
научиться снова улыбаться,
расплескав привычную печаль
лёгкою росой на пастораль...

Богатство

Столь бесшабашна,
почти крылата,
пересекая событий гладь,
душа богата не звоном злата,
но даром слышать и сострадать.
То хмель восторга, то капли яда,
но, непременно, всегда до дна.
А подаяний душе не надо,
покуда больно – жива она...

Пустой трамвай

Сквозь частокол
из сосенных стропил
ворвался в город юный
влажный ветер.
И оживилось разом всё на свете,
как будто мир костюм переменял.
Так и душа: когда она пьяна
любовным хмелем,
спячку забывает
и мчится на сверкающем трамвае
мечты в совсем иные времена,
где нет печалей, гонки и забот,
но лишь рассвет,
без края и предела.
Жаль, ограничен мир
пределом тела,

что точно помнит –
дел невпроворот.
И вновь затишье,
и трамвай пустой
грохочет через дни и через ночи.
Но рассыпает искры,
между прочим,
звеня глухому времени: – Постой!

Дожди

Там, где судьба легла через разлуку,
где не нашлось местечка
для мечты,
где лишь во снах
рука сжимает руку
и грусть кладёт из рваных строк
бинты
на раны, что подёрнулись
привычкой,
но так и не сумели зарости,
где сердце бьётся
раненою птичкой,
проведшей век недолгий
взаперти;
где небо – Грусть возносится
высоко
над мукою тщеты в ночной тиши.
Там вздохи режут нервы, как осока,
и кровь стихов поит луга души...

Свет в окне

Сквозь житейские штормы,
меж смут,
отречений, разочарований,
вопреки темноте расставаний,
и обид, и пустых покаяний,
что же служит душе маяком?
– Свет окна того дома, где ждут,
где забвения вкус незнаком.

Но случается так, иногда,
к сожалению, чаще и чаще,
что обиды напиток горячий
крепче памяти, рифмой кричащей.
Гаснет свет,
как несбыточный сон.
И тогда побеждает беда –
одиночество всходит на трон...

Вне времени

Татьяна КУХТА,
г. Санкт-Петербург

Родилась в Белоруссии, долгое время жила в Москве.
Профессия – переводчик с английского языка (художественная литература).
Стихи пишет с детства, ранее нигде не публиковалась.

Баллада

с видом на осень

Дождливый день стекает

по стеклу.

Два зонтика наохлились в углу.

Темнеют на полу сырые пятна.

Смеркается.

Им через час обратно.

Тугому ветру подставлять бока,

Ловить в прицел чужие облака,

Держать напор дождя

до хруста в спицах.

Не дрогнуть. Не сорваться.

Не сломиться.

Хранить прически, шляпы,

пиджаки,

Весь мир на расстоянии руки,

Всю землю, побиваемую градом,

И тех, кто рядом.

Просто – тех, кто рядом.

...Когда на город катится жара,

И плавают термометры с утра,

И полдень раздробил стекло

в осколки –

Два зонтика покоятся на полке.

Забыты, запечатаны, сухи,

Заброшены, как старые стихи,

Бессмысленны,

как моль в посудной лавке...

Им снится ветер. Яркие заплатки

Соратников, плывущих под окном,

И площадь, где идут они вдвоем,

Плечом к плечу...

и дождь, секущий косо.

Они нужны.

И скоро будет осень.

Маленький такой

романс

Над Невою чайки кричат,

За Невою церковь в лесах.

А за поворотом ключа –

Потаенный ход в небеса.

Тишина бредет по дворам,

Да с шарманкой, хриплой со сна...

Кто-то здесь колдует с утра –

То ли город, то ли весна.

И не то чтоб ночи легки,

И не то чтоб дни хороши –

Просто солнце кормит с руки

Белку моей рыжей души.

Прогулки с Городнички

Между Смольным,

Тверской и Таврическим

Бродит дождь,

городской и лирический,

По-осеннему вязок и сыр.

Он бредет пеленой –

ну-ка, троньте-ка! –

И качаются мокрые зонтики,

Почерпнувшие неба весы.

Между Смольным,

Тверской и Таврическим

Улыбается осень стоически,

Шпиль-булавку губой прихватив.

И прорехи небесные штопает,

И шуршит календариком тополя,

Удивляясь, как время летит.

Ты читай это небо внимательно –

Петербургская пестрая патина,

Фонарей остывающий сор.

А осеннее синее – солоно,

И сыграет сезонное соло нам

Облицованный солнцем собор.

6 июня 2009 года

Александр Сергеевич,

Бог бы с ним, с юбилеем.

За стеклом на полке –

зачитанные тома.

Совершился круг,

и билетиком лотерейным

Отлетает май.

И опять сирень, и неважно,

какого года,

Запрокинешь голову в небо –

не упади.

Александр Сергеевич,

как там у Вас погода?

А у нас дожди.

А у нас коты неречисты и неучены,

А у нас каштаны чахнут,

устав расти.

Белый заяц бежал-бежал –

обернулся черным.

Не сумел спастись.

Там, куда и мы уйдем

не на день, не на год –

В Лукоморье, в лицейских куцах,

в ином саду –

Остывает детство

вареньем из ранних ягод,

Леденцом во льду.

И тепло, и пахнет закат

земляничной пенкой,

И туман от речки

стелется у земли,

И стихи – как вечная ссадина

на коленке,

А она болит.

Жарко

Домой, домой,

В неброскую квартиру,

Где солнце пол

разметило пунктиром,

И сонный глобус, и неяркий свет,

Квадрат окна,

притихшие гитары,

Наплыв послеполуденного жара,

И смерти нет. И даже смерти нет.

Домой, домой,

В парадном пахнет мятой,

Газетный лист,

бессовестно измятый,

Настольной лампы ломаная тень,

И тайный вечер

бродит на котурнах,

Где отцвела стремительно

и бурно

Исхлестанная ливнями сирень.

Домой, домой...

Броди, пока бездомный,

Корми фонтан монетками

с ладони,

Срывай на счастье

пятый лепесток.

Блеснет пятак –

и облизнется Лета,

Но это заколдованное лето

Уже не повторится – видит Бог.

Недавно в Уссурийске прошёл конкурс среди школьников, пишущих стихи, вернее, пытающихся выразить свои чувства поэтическим языком. И пусть их стихи ещё во многом наивны и несовершенно, но хорошо уже то, что им прививают любовь к родному языку, заставляют о многом задуматься.

Надо отдать должное воспитателю школы-интерната № 29 **Елене Васильевне Махановой**, которая ведёт литературный клуб «Современник», объединяя пишущих детей, подсказывает им, как правильно выражать свои мысли.

«Лировцы» были приглашены в качестве жюри, в котором были задействованы автор этих строк, **Татьяна Овчинникова, Екатерина Епураш. Владимир Михайлович Тыцких и Сергей Михайлович Юдинцев** не посчитались с личным временем и тоже приняли участие в этом мероприятии, за что им огромное спасибо. Это для ребятшек был такой подарок! Надо было видеть глаза мальчишек и девочек, когда член Союза писателей вручал им подарки!

Помощник депутата Законодательного Собрания Приморского края **Танасьев Евгений Анатольевич** по просьбе депутатов передал 1000 рублей на подписку «ЛитМ» для детей-победителей конкурса и для руководителя клуба «Современник».

Светлана КОРОЛЕВА,
г. Уссурийск

Здравствуй, Владимир Александрович! ...Потихоньку занимаюсь архивом Евгения Яковлевича, разбираю рукописи, записные книжки, фотоальбомы, и перед глазами – вся жизнь пробегает. И я чувствую себя счастливым человеком, потому что прожила длинную жизнь с очень интересным, талантливым человеком, который был честным, порядочным и независимым, не терпел лжи, предательства, лести...

...Владимир Александрович! Хочу поблагодарить Вас за память о Евгении Яковлевиче, за те тёплые слова, которые Вы написали в своём журнале.

...Полагаю, что лучшая память о Евгении Яковлевиче – это сохранение его творческого наследия.

Нонна ВЕСНИК,
г. Москва

В «Литературном меридиане», № 11-2009, мне понравились и проза, и поэзия. Прочитав о Крестовском, я перечитала его повесть «Деды» и роман «Торжество Ваала». В своё время прочитала «Петербургские трущобы»...

Сейчас, по большому счёту, нет нормальной литературы. А если она есть, то до нас не доходит...

Лариса БЕЛЯКОВА,
п. Лучегорск

ОТ РЕДАКЦИИ

НИЗКИЙ ПОКЛОН

Сотрудникам редколлегии и членам общественного совета «ЛитМ» приятно произносить слова благодарности в адрес неравнодушных авторов и читателей, тех, кто сумел поддержать наш ежемесячник.

В первом квартале 2010 года финансовую поддержку «Литмеридиану» оказали Алла Мачтакова (Владивосток), Владимир Люков (Москва), Надежда Верхотурова (с. Новотроицкое), Вера Волик (с. Тихоречное), Василий Пономаренко (г. Ярославль), Иван Шепета (г. Владивосток), Галина

Ахметгалеева (г. Иркутск), Любовь Самойлова (г. Уссурийск), Лидия Петрова (г. Партизанск), Анатолий Бакалов (г. Владивосток), Валерий Веретнов (г. Долинск), Георгий Назимов (Калифорния, США), Людмила Берестова (г. Лесозаводск), Светлана Шкляева (г. Владивосток), Лена Акимова (г. Партизанск), Раиса Лихачева (г. Калуга), В. Филиппова (г. Набережные Челны), Мавлюда Полевщикова (п. Буренка), Клавдия Аносова (г. Владивосток), Валентин Курбатов (г. Псков), Сергей Назаренко (г. Арсеньев), Вера Саченко (с. Чугуевка).

Спасибо!

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ

В связи с тем, что с февраля 2010 года на 15% подорожали услуги почты, а также по техническим причинам редколлегия, к сожалению, вынуждена отказаться от переписки с авторами и читателями «Литмеридиана». Мы постараемся отвечать на ваши вопросы на страницах издания.

Кроме того, редколлегия «ЛитМ» приносит читателям извинения за низкое качество фотоснимков. Мы надеемся вскоре исправить положение к лучшему.

Просьба к авторам присылать свои произведения без напоминания, соблюдая требования к публикации.

«Мастер и Маргарита»: студенческий конспект

В марте 2010-го немало литературных дат, одна из них – 70 лет со дня смерти Михаила Булгакова. Одного из тех, кто, в отличие от Бродского, попытавшегося максимально разъединить жизнь и смерть, сказавшего: «Смерть – это то, что происходит с другими», – своим романом, писавшимся «в стол», то есть в пору «смерти при жизни», написанным за две недели до реальной смерти, попытался максимально жизнь и смерть соединить...

**Олег КОПЫТОВ,
г. Хабаровск**

Несколько последних лет я читаю курс «Русская литература XX века» в вузах Хабаровска и год за годом убеждаюсь в следующем: самым известным из всех русских авторов XX века, самой интересной и самой интригующей темой; не просто читаным произведением, но зачитанным до дыр; самыми близкими вопросами им, не «взрослым», не «преподам», а именно им, *сегодняшним студентам*, являются – увы! – не Бунин и не Куприн; увы! не Набоков, и не Аксёнов, и не Саша Соколов, и не Венедикт Ерофеев, и не Довлатов, и не Пелевин, и не Маканин, и совсем не Петрушевская, Улицкая и Толстая, а – Булгаков. К сожалению, не все его произведения, не все вопросы, которые он поставил и жизнью своей, и прозой, и драматургией, а только роман «Мастер и Маргарита» и всё, что касается «Мастера и Маргариты». Безусловно, роман «Мастер и Маргарита» – это то, что более всего интересно из прозы XX века сегодняшнему студенту. Это роман, действительно, читанный всеми. Поверьте. Всеми сегодняшними студентами – любых специальностей, темпераментов, степеней ответственности, усидчивости и прочая, даже теми, кто практически не читает ни художественную, ни даже учебную, никакую иную литературу вообще (а в сегодняшнем – *как бы вышем* – образовании и таких, поверьте, немало)...

Наверное, из материалов семинаров по роману «Мастер и Маргарита» Булгакова можно было бы составить целую книгу. Книгу о том, как сегодняшние студенты дневного отделения, то есть еще не взрослые, но уже и не дети, воспринимают и Булгакова, и, пожалуй, вообще жизнь. Все её вечные темы: любви, творчества, скромного таланта и агрессивной бесталанности, художника и власти, соотношения дня и ночи... А также и сверх – реального и ирреального; сакрального и профанного; иссушающего жизнь серьезного и жизнеутверждающего карнавального, смехового; театрального и мистического; жизни, иногда похожей на смерть, и... смерти, в которой иногда и начинается жизнь... Но пишем не книгу, а всего лишь заметки, а потому быстро сошлемся на пресловутое ограничение жанра и быстро начнем. Вот именно с этого: один из ключей к роману – двойственность, парность, дуализм. Весь роман соткан из пар-противоположностей. Но не воюющих друг с

другом, и даже не противоречащих друг другу, а *сотрудничающих*, работающих вместе, то есть подлинно амбивалентных пар. Эти пары, их сотрудничество, диалектику сегодняшней студент видит, может о них рассказать. Они ему не просто интересны – на его горизонте взгляда они имеют немало актуальных продолжений... Современное Булгакову (Москва 1930-х годов) и древнее (Ершалаим). А от Москвы 1930-х годов – полшага до Москвы сегодняшней. В 2000-х Москва ведь мало изменилась, а «квартирный вопрос» всё так же портит москвичей, и «Варьете», и «бесплатный французский магазин», и червонцы, падающие с неба, в ней так же в моде, и ни Воланда, ни Мастера, ни Маргариту – читай: ни Бога, ни черта, ни гения, ни подлинной любви – сегодняшняя Москва всё так же разглядеть не способна... Пары, пары, пары, из которых соткан роман, соткана жизнь... Ершалаим романый и Иерусалим библейский, который проглядывает сквозь магический кристалл романа. Иешуа (который отнюдь не Иисус) и Иисус (точнее, человеческая ипостась Богочеловека, которая одновременно в бесконечном далеке и близко сквозь Иешуа проглядывает)... День, который, слава петуху! – всё же спасает финдиректора Римского от девицы, щелкнувшей зубами, и ночь, которая способна, если нам хорошо, всё длиться и длиться... Старик в грязной ночной рубашке, которому некому растереть больную ногу, и всесильный гений ночи, «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Именно **часть**. Не весь – часть... Комик, подхвативший чужую реплику («Вы немец?» – «Да, пожалуй, немец»), и безжалостный палач, самый сильный аргумент которого в споре – отрезанная голова, несущая атеистическую чушь... Безальтернативный деспот, *сам злой рок*, и одновременно *только тот, кто и может вершить справедливость*... Мать, убийца своего дитя, и та, кто, единственная из грешников, заслуживает прощения и его получает...

...Творчество («Мастер...»), которое невозможно без любви, и любовь («...Маргарита»), которая невозможна без творчества. В свою очередь, любовь страстная, нагая – и целомудренная, стесняющаяся любой наго-

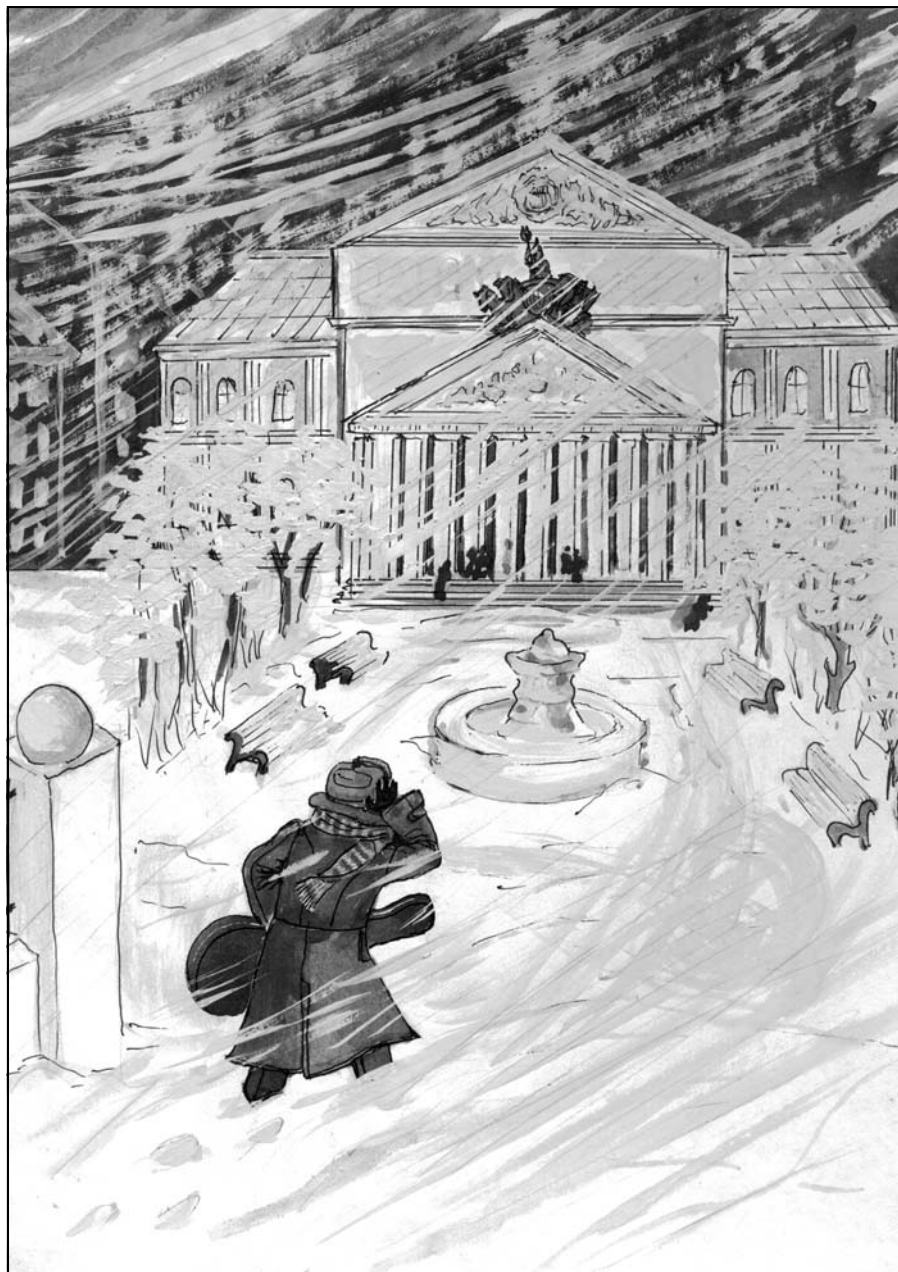

ты. Любовь жертвенная и любовь-забота, такая любовь женщины к мужчине, что сродни любви матери к сыну... Вот именно последнее – что такое любовь и как она связана с творчеством, со служением, с одной стороны, и со страстью, с «реабилитацией плоти», с другой стороны, сегодняшнего студента, на мой взгляд, более всего и интригует.

Что происходит в романе «по фавуле»? Жена обеспеченного, «статусного», как сегодня говорят, мужчины, живущая не просто в центре Москвы – в особняке на Арбате! – где она полновластная хозяйка, ни в чем «матерьяльном» не знающая отказа, – уходит к нищему поэту, полубезумному затворнику, без гроша в кармане, в подвал... Я не встретил ни одного осуждения Маргариты за этот вроде бы, по-сегодняшнему, совершенно «безбашенный» поступок, ни от одной студентки, за несколько лет, за десятки проведенных семинаров – не встретил. Вывод прост: сила романа такова, что в нём четко и ясно прописана вся сила любви... Пусть не самой любви – не феномена жизни, пусть мифа любви – неважно. С мифа начинается любая вера. В том числе вера в Спасение... Всё было у Маргариты с мужем на Арбате – любви не было. Примерно так объяснит любая сегодняшняя студентка поступок Маргариты. И будет права. И эта правда дорогого стоит... Уже потом мы станем объяснять далее... Что был в Маргарите спрятан целый динамитный ящик страсти, иначе бы она не полетела нагой на метле на бал к Сатане и не называла бы Мастера весь остаток своего земного века не «мужем» – «любовником». Но было спрятано в ней и целое озеро нежности и нерастроченной материнской заботы. Иначе бы не остановил её во время мести Латунскому и целому этажу дворовых «драматургов»... правильно – ребенок, плачущий мальчик... И не вышивала бы она так вдохновенно Мастеру шапочку с буквой «М», и не целовала бы вечную ночь каждую букву романа Мастера. Другими словами, самый главный талант Маргариты – быть женщиной. Безо всяких сегодняшних «феминизмов» – главный женский талант...

(И распознать талант не способен никакой Латунский, никакой Берлиоз, и даже не Белинский, а только влюбленная женщина...)

Но вот она – чуть ли не главная глава. Двадцать де-

БАЛ ЗИМЫ

/Рисунок Леонида ЧЕРНОВА, г. Уссурийск/

вятая. «Судьба Мастера и Маргариты определена». Кем именно определена? Что, какая именно судьба определена?... А вот здесь не ждем ответов. Ни от студенческого семинара, ни от научного симпозиума...

...На каменной террасе московского здания, «построенного полтора столетия назад», в которой угадывается то ли одна из крыш Дома на набережной, то ли самого Кремля... находились двое: Воланд и Азазелло. Затем на крышу вышел Левий Матвей. И спросит первый: «А отчего же вы не берете его к себе, в свет?» И ответит последний: «Он не заслужил света, он заслужил покой...» Простят *и её взять тоже...*

Последние вопросы семинара: а почему Мастер не заслужил света? и за что он и она заслужили покой?

Здесь, как всегда...

(Звонит звонок...)

Такое бывает не часто... Знаешь человека много лет, живя с ним в одном городе, в одном районе на расстоянии нескольких домов, и вдруг открываешь его для себя, видишь совсем по-новому. За скромной внешностью и тихим голосом, оказывается, таится глубокий внутренний мир.

С радостью делюсь своим открытием с читателями «ЛитМ», потому что этот человек принадлежит к той категории людей, которым хочется сегодня поклониться. Она – учитель. Учитель истории – Людмила Фёдоровна Щипунова, уроженка города Зеи Амурской области, уже более четверти века живущая во Владивостоке.

Мне она дорога как человек из юности, как бывший директор моей родной школы, в которой когда-то, более сорока лет – работала моя мама. Двери наших квартир на острове Русском гляделись друг в друга. Из тех времён помню её очень добрую гостеприимную маму – Надежду Никитичну, с каким-то особым певучим говором; замечательную дочку Леночку и умную, титулованную овчарку Юрму. Тогда у меня, студентки физфака ДВГУ, не было времени для общения. А потом судьба нас развела, и возможно, для того, чтобы мы вновь встретились и удивились друг другу...

Когда-то Людмила Фёдоровна носила длинную упругую косу и профессионально пела в Государственном Сибирском русском народном хоре. Её любимая певица – Людмила Зыкина. Сегодня музыкальные таланты проявляются во внуках. Внуки – это главное. По-моему, быть хорошей бабушкой – это тоже талант. А ещё в семье продолжается традиция: старший по возрасту – уважаем особо. Согласитесь, сегодня такое бывает не часто.

Встретившись через целую жизнь, оставив за спиной годы преподавательской деятельности, мы обнаружили удивительную схожесть дум и печалей о судьбе российского образования, о кончине советской школы, об исторической правде и ответственности историков. А ещё нас объединяло желание попробовать рассказать то, что достойно быть рассказанным и каким-то чудом осело в памяти.

В задушевных наших беседах Людмила Фёдоровна однажды призналась, что пишет о своих дедах и прадедах, дабы оставить память о них внукам. Когда я прочитала её первые воспоминания, то мне стало ясно: это надо оставить всем, кто хочет помнить о том, как жили когда-то красивые гордые русские люди, сибиряки, прошедшие дорогами русско-японской войны, каторги, умеющие хозяйствовать на родимой земле, любить и стоять за своё счастье...

Язык, каким пишет Людмила Фёдоровна, на мой взгляд, – сочен и самобытен. Может быть, именно поэтому, пробегая вместе с ней по деревенским тропкам и ягодным местам, чувствуешь, как пахнет трава, греет солнце, слышишь, как журчит речка, и отчего-то щемит сердце ...

Эльвира Кочеткова

Чуть только закрою глаза – вижу быстрюю горную речку, в прозрачной воде которой просматривается каждый камешек дна. Это Обка... На её берегу расположена одноименная деревушка, а вокруг – марь, сопки и тайга. С этим местом связаны первые воспоминания о детстве...

...Вот я бегу по узкой тропинке мимо школьного двора, а по обеим её сторонам растёт ромашка. Кустики её ма-аленькие, ни-и-зенькие, на них хорошо видны желтенькие головки бутончиков, точно маленькие солнышки. Останавливаюсь и глазею вокруг. Небо надо мной синее-синее, бездонное, воздух чистый, прозрачный, и в нём плавает разлитый аромат разнотравья. «Ж-ж-ж!» – проносится жук. Перед глазами мельтешит мошка, порхают разноцветные бабочки. Ах! Поймать бы! Но они улетают. Осторожно ступаю босыми ногами по мягкому ромашковому ковру и испытываю блаженство! Внизу пересчитывает камешки речка и призывно журчит. Смеюсь, раскидываю руки, будто желаю вместить в себя всё это богатство, и сбегая с обрыва к реке. Вхожу в воду, дальше, дальше... Вода студеная, зябко, ступням колко – галька острая. А вода – прыг-прыг! – с камня на камень, и я за ней – да мимо камня! А там – глубоко! Едва выбралась и весь низ платья измочила. Стою на камне – брр! – холодно! А солнышко ласково так греет руки, голову, успокаивает. И тут вспомнила, что спешу к бабушке с дедушкой, а живут они вон в том доме в проулочке, сразу за глухим дощатым забором лесника.

Я прохожу мимо него с опаской: лесник, он строгий. А вот жена его, тётя Зоя Лихачева, совсем нестрогая. Она всегда зовёт нас, ребяташек, в гости. И когда мы заходим, угощает сладостями. А ещё заводит патефон. Для этого

покрутит ручку сбоку ящика, поставит пластинку, и, когда та начинает медленно вращаться, тетя Зоя осторожно, чтобы не сломать иголку, опускает головку патефона. Вот иголка коснулась пластинки и начинает поскрипывать, пластинка вращается быстрее, быстрее, и вдруг откуда-то из нутра её иголка вытягивает звук, ещё, ещё... и вот уже льются волшебные звуки – это поёт Лидия Русланова. Я словно прирастаю к полу, слушаю и не понимаю: как это у иголки получается?! Потом каждый раз долго рассматриваю пластинку, верчу её так и эдак, но никак не могу найти хотя бы намёка на то, где можно ухватиться и вытянуть из пластинки волшебные звуки песни.

Сегодня тёти Зою во дворе нет. Зато, завернув в проулок, я вижу изгородь двора моей бабушки. Рядом двор стариков Додоновых, а дальше, у реки, живет многодетная семья Сутягиных.

Двор дома моей бабушки небольшой, но там есть всё: вот сразу слева стайка для коров, стойло для коня, дальше – летняя кухня, прямо – изба. Все строения крыты корой. Справа изгородь с калиткой в огород, а сразу за калиткой – будка, там живет собака. Её нисколько не боюсь, расхаживают по двору куры, и без конца голосит рыжий горластый петух. А вот и моя бабушка. Её зовут Маремьяна Константиновна Зыкова. Бабушка моя настоящая, то есть у неё сытно, тепло, уютно, чисто. Она всегда напевает что-то. На ней – коричневого цвета хлопчатобумажная кофта с юбкой, обязательно серый передник, на голове повязан «домиком» платок. Он хлопчатобумажный, серый или голубой в горошек, с незатейливой каймой. Характер у неё ровный, приветливый. Когда из дальних деревень в Обку

приезжают за сеном на подводах конюхи, то останавливаются всегда у дедушки с бабушкой, у Зыковых, значит. И каждого они приветят, поделится пищей, место для ночлега дадут, хоть изба у них и небольшая.

Бабушка всегда в хлопотах. Вот и сейчас слышно, как она гремит подойником – значит, собирается доить корову. Подхожу к летней кухне и вижу, что на крыше сушится сыр. Это вкуснейшее лакомство! Бабушка готовит его сама. Однако она не любит, когда его трогают раньше времени, поэтому жду, пока она пройдет в стойку. Всё. Прошла. Обмыла у коровы вымя, вытерла, дала ей сахару, погладила, разговаривает с ней, ставит табуретку, ведро, садится, и чирк! – молоко полилось в подойник. Я мигом влезла на крышу кухни и начинаю лакомиться. Очень вкусно! Насытилась и засмотрелась на птиц, которые тоже начали кружить над кухней. «Людка! Ты опять пакостишь? А ну слась!» – это бабушка. «И чо я сразу не слезла?!» Я прыгнула с крыши и юркнула в избу. Отдышалась. Летом в середине дня в избу редко кто зайдет: некогда, вся работа у дворе. Изба, рубленая из толстых брёвен, плотно уложенных друг на друга, пазы между ними заткнуты мхом. Дедушка рубил её сам, как рассказывала бабушка, «без единого гвоздя».

Изба небольшая, в два окна. Слева от двери – лохань, стол, над ним дощатый шкаф для посуды, печка с лежанкой. За печкой вдоль стены – топчан с набитым соломой матрацем. Вдоль передней стены стоит большой деревянный сундук, очень хорошей фабричной работы; его, видно, привезли ещё из Сибири. Сундук всегда заперт на замок, а ключ – у бабушки. В нём она хранит вещи, а ещё он удобен для сидения. Когда собираются гости, то на нём одновременно усаживаются четыре человека. За сундуком – табуретка и стул у небольшого окна. В углу, под самыми образами, перед которыми всегда горит лампадка, – ещё табуретка. Затем опять окно, а за ним швейная машинка – бабушкина гордость. Она досталась ей от её мамы, а той – от её бабушки. У стены – большая кровать, которая отделяется от входной двери тканой занавеской.

Обследую избу, заглядываю во все углы – вдруг кто спрятался? Я – трусиха. Никого. Успокоилась. Сажусь на табуретку у окна, но там ничего интересного, виден только край огорода. Жду. Бабушка не идет. Выглядываю в сенцы и вижу, как она снимает с изгороди обсохшие кринки, накрывает их белой марлей и начинает в них процеживать молоко. Потом она будет ставить кринки с молоком в погреб, мыть подойник, а затем будет готовить ужин на летней кухне... Как всё долго! А я не люблю сидеть в доме одна. И, чтобы об этом не думать, пересаживаюсь на другую табуретку, к другому окну, и тут вижу машинку! Видно, бабушка недавно шила да вспомнила, что надо корову доить. А так как дома никого больше не было, то она не стала закрывать её и ушла. Это было просто замечательно! Я много раз видела, как бабушка шила на машинке, как у неё это ладно получалось. Ну совсем немного покрутит ручку – и готово.

Присаживаюсь к машинке. От набежавшей мысли аж глаза зажмурились: «Ведь если я так же покручу ручку машинки, то закончу строчить рубашку. Как же будет рада моя бабушка! И совсем забудет про злополучный сыр!» Придвинув табуретку, села поближе и поудобнее, правой рукой взялась за ручку машинки, а левой стала подкладывать рубашку и опустила лапку. «Всё хорошо!» – пох-

валила я себя. Крутанула правой рукой ручку машинки. Иголка поднялась и – раз! – резко опустилась, а мой указательный пальчик пронзила жуткая боль. Сразу дернула руку, но боль почему-то усилилась. И тут увидела, что к рубашке вместо ткани иголка пришила мой собственный палец, да ещё и сама в него влезла насквозь и не отпускает. От наглости такой я заплакала. А когда заметила кровь и поняла, что в доме одна и мне никто не поможет, да ещё машинка крепко держит меня, то от страха, обиды и боли я заорала что есть мочи! Сколько орала – не помню. Помню, что вбежала испуганная Додониха с бабушкой. Бабушка освободила мой палец, залила его марганцовкой, а потом прижала меня к себе и уложила в кровать. Ох! Милая моя, добрая, ненаглядная бабушка! ...Я заснула.

Проснулась. Дверь в сенцы открыта, а на крыльце сидит дедушка. Слышу его голос: «Вымокли забоги-то и куздюм наскрозь! Растянуть надоть!» Это дедушка пришел с покоса. Мой дедушка, Никита Миронович Зыков, – чалдон, поэтому и выговор у него такой. Он невысокого роста, щуплый, круглолицый, с пышными русыми усами, очень подвижный. Во рту всегда трубка, которую он набивает табаком с собственного огорода. «Да-а, забоги до вечера не высохнут!» Дедушка закашлялся: «Ишь какой крепкой табак-от, а?!» И тут увидел меня: «Беги сюды! Просну-у-лась! Вишь-ка, к машинке лезть низзя-от, она шибко зла. Ишшо легко отделалась!» Помолчав, спросил: «Ты всё так и турусишь? Ну ничо, израстешь. А хошь, со мной на марь пойдем? Хошь? Назбираю пару туясков ягод и грибов. А?» Я кивнула. Дедушка выкурил трубку, я всунула ноги в чьи-то старые ичиги, и мы подошли к калитке. Пес Дозор лениво вильнул нам хвостом.

Я оперлась на изгородь и вспомнила, как дедушка весной городил её. Он в землю вбивал колья, к ним крепко привязывал жерди лозой по три штуки. Брал хворостину, задевал её за верхнюю жердь, изгибая, заводил её за среднюю, а потом, прогнув, – за нижнюю и втыкал в землю. Потом близко к ней ставил следующую хворостину и так далее, то есть забор городили тоже «без единого гвоздя»: гвозди после войны были большой редкостью. Хочу сказать, что такой забор был хорош. Да и на хворост шли нижние ветки деревьев, а дерево не губили.

Между грядками мы прошли по огороду к дальней изгороди. Сразу за огородом было привольно. В послеобеденное время земля отдавала своё тепло, набрав его от солнышка за день. Земляника и княженика напоили воздух своим ароматом. Я наклонялась и срывала спелые сочные ягоды. Почему-то большие бордовые ягоды княженики не хотели укладываться в туюсок, а когда я подносила к глазам удивительно красивую, ароматную ягоду, то она быстро попадала ко мне в рот. До сих пор я помню её вкус, но никогда и нигде больше не встречу такой ягоды с красивым названием «княженика».

Так, понемногу двигаясь к мари, мы собирали землянику, княженику, грибы, а когда вышли на саму марь, то она предстала перед нами сине-желтая от голубики и морошки. «Ты ешь, ешь, – сказал дедушка, – а я посбираю в туюсок-от». Теперь я с удовольствием уплетала желтую морошку. Наелась, он подвел меня к ключу. Мы умылись, напились и набрали еще много моховки, полоскавшей в ключе свои гроздья.

Всемирная жизнь русской словесности

Ангелина ДЕМЬЯНОК,
Украина

Дом отдыха «Покровское» расположен в одном из самых живописных уголков Подмоскovie – на заповедной звенигородской земле, среди лесов и родников. Этот край воспевали Пушкин и Фет, Чехов и Бунин, Герцен и Куприн. Именно здесь 18—22 декабря состоялся III Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте», проведенный Международным фондом Ф. М. Достоевского при поддержке Министерства культуры России, Министерства образования и науки России, Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, Правительства Москвы, Фонда «Русский мир», Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ.

Предшествующий форум, приуроченный к 500-летию рода Достоевских, проводился в декабре 2006 года. Тогда на форуме были оглашены новые данные, указывающие, в частности, и на украинские корни этого рода, всемирно прославленного именем выдающегося русского писателя. Однако целью всех трех симпозиумов (2004, 2006 и 2009 гг.) является осмысление русской литературы трех последних веков как мирового духовного феномена: ее художественного и нравственного опыта, взаимосуществования с другими литературами. Были обобщены и некоторые итоги развития самой филологической науки.

Тема серьезная, весьма важная, и надо отдать должное главе оргкомитета форума — известному писателю, академику, президенту Фонда Достоевского Игорю Волгину, последовательно проводящему в жизнь эту идею. Ему же принадлежит пояснение: «Данный форум – попытка впрячь в одну телегу коня и трепетную лань, то бишь исследователей русской литературы и русских писателей».

Указывая на объединительную роль Ф. Достоевского, И. Волгин утверждает: «Наряду с Пушкиным и Толстым, Достоевский относится к числу тех русских писателей, чьи биографии стали частью национальной истории. Но и все полутысячелетие существования рода, к которому принадлежит автор «Братьев Карамазовых», являет нам некое метафизическое единство, заключающее в себе еще неразгаданный смысл. Разумеется, Федор Достоевский — главное скрепляющее звено в этой генеалогической цепи. Его предки, обитавшие на территории Белоруссии, России и Украины, — часть той культурной и этнической общности, которая легла в основу общерусской ментальности».

На участие в форуме в этом году было прислано заявок в два с половиной раза больше отведенной квоты, поэтому организаторы симпозиума оказались в затруднительном положении при отборе участников.

Всего на этот раз в «Покровском» собралось около 300 ученых-русистов и литераторов многих стран (включая все страны СНГ и Прибалтики, а также Японию, Китай,

Вьетнам, Францию, Германию, Мексику и др.), чтобы ознакомить коллег со своими исследованиями в области русской литературы и русского языка, обменяться своими новыми книгами, по diskutieren (а споры были порой очень жаркими) и даже побывать на презентации новых кинофильмов.

* * *

Игорь Волгин последовательно проводит идею диалога культур, общения и обмена мнениями, а потому неизменно приглашает к дискуссиям на форуме не только «теоретиков», но и «практиков» — писателей, деятелей культуры, переводчиков, руководителей СМИ и т.д.

Например, в заседании круглого стола «Россия на постсоветском пространстве: социокультурный и лингвистический аспекты» приняли участие писатели Е. Бувич (Черкассы) и С. Минаков (Харьков). За этим «круглым столом» собрались 25 собеседников из стран СНГ, Прибалтики, дальнего зарубежья. Полемическим заседанием руководил профессор Таврического университета имени Вернадского (Симферополь) В. Казарин совместно с академиком РАН В. Тишковым.

Гоголевед из г. Нежина Черниговской области Украины П. Михед представился как «русист, но украинский буржуазный националист» и высказал суждение, что проблема русского языка на Украине видится ему «надуманной и кем-то намеренно политизируемой». Что, конечно, нарушило «академическое» спокойствие, русские писатели Украины выступили с резкими возражениями, рассказав о притеснениях русского языка во всех сферах общественной и государственной жизни Украины, то есть фактически о политике русского этноцида.

П. Михед был поддержан ведущим «круглого стола» В. Казариным. Профессор в свободное от русской филологии время исполняет обязанности первого заместителя председателя Севастопольской городской государственной администрации С. Куницына, назначенного на эту должность Виктором Юценко.

Среди принявших участие в дискуссии оппонировала В. Казарину и Николь Секулич, представительница итальянского Института Марко Поло, создательница частной русской школы в Вероне (где учатся 22 ребенка, в отличие от русской школы Рима, где проходят обучение 70 детей).

Напомнив друг другу о том, что русский язык остается средством мировой коммуникации, «покровские» гуманитарии с тревогой отметили факт «шагренизации», то есть сокращения русского языка на постсоветском пространстве.

Казах из г. Ташкента Маханбет Джусупов, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка Узбекско-

го государственного университета мировых языков, высказал и аргументировал мысль о том, что роль русского языка в странах бывших советских республик может быть существенно повышена. Для этого необходимо его статус закрепить в реальном образовательном процессе — школьном и вузовском, к тому же подкрепив обязательностью изучения русской литературы, без которой язык практически мертв. «Поскольку законы, как известно, у нас выполняются далеко не всегда, — заметил профессор Джусупов, — в случае реального изучения его на всех уровнях системы образования не будет иметь существенного значения даже конституционный статус русского языка (сегодня он разный в разных странах — официальный, межнационального общения и др., но это никак не связано с его реальной значимостью в жизни народов)».

* * *

Понимая значительность роли украинского русского словесного мира, отдельно скажем об участии в симпозиуме представителей Украины.

Поскольку школы русистов на Украине пока еще сохраняют весьма сильные позиции, а русская литература на Украине, несмотря на уничтожающее давление последних лет, жива и активна, Украина была представлена на этом форуме тридцатью филологами и писателями.

С докладами на симпозиуме выступили: А. Киченко («Бахтин и Лотман: проблема «точности» и «глубины» структурного анализа»), В. Федоров («Целое героя»), Ю. Романов («"Подпольный" мотив в романе "Идиот"»).

В секции «Проблемы художественного перевода» сделала сообщение киевлянка Е. Чуприна («Русско-украинский перевод: остранение»), а в секции «Достоевский: текст и контекст» — исследователь А. Роговой выступил со своей непреходящей темой «Родовой круг Достоевских». Профессор А. Кораблев из Донецка прочитал научный доклад «"Книги итогов" Гоголя и Достоевского: структура, герменевтика, теургия», а О. Червинская рассказала об «Историографических опытах Достоевского». Выступили также М. Наенко («Творчество Достоевского и славянские литературы. На материале немецкоязычных исследований Д. Чижевского»), Е. Быстрова («Рецепция творчества Ф. Достоевского в Украине»), С. Кочетова («И мысль его... уходит в высоту и глубину...» Ф. М. Достоевский в критических оценках Акима Волынского), В. Лавров («Академик В. И. Вернадский о творческом наследии Достоевского»).

В секцию «Поэтика Достоевского» был включен доклад

Ю. Кабанков (Владивосток) дарит свою книгу «Последний византиец русской книжности» игумену Вениамину Новикову (С.-Петербург)

ученого из Украины Л. Дербеновой, связанный с романом «Братья Карамазовы». В секции «Поэтика художественного текста» профессор Харьковского государственного педагогического университета им. Сковороды Л. Фризман рассказал о «"Лишнем человеке" как феномене русской жизни и литературы XIX в.», Л. Квашина сообщила о «Поэтике пушкинской баллады "Песнь о вещем Олеге", а А. Головачева — о «Гоголевских мотивах в записных книжках Чехова». Сразу с двумя сообщениями выступил исследователь А. Кеба: «Поэтика Андрея Платонова в свете художественно-философского опыта XX в.» и «Своеобразие субъектной организации в лирике И. Анненского». Типологические взаимосвязи в «столичных текстах Н. Гоголя и М. Булгакова» удалось выявить О. Николенко.

Е. Матушек был озвучен доклад «Западники, грекофилы, традици-

оналисты как читатели "Меча духовного" Лазаря Барановича», Н. Левченко — «Западноевропейская традиция толкования Библии в творчестве Димитрия Ростовского». Историк Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина А. Каплин сообщил о «Значении "истинных" славянофилов для русской и европейской общественной мысли XIX–XXI вв.».

В секции «Новые вызовы и современная словесность» были представлены также доклады русистов из Украины: Л. Садыковой — «Осмысление культурного кризиса и особенностей переходной эпохи в русской эссеистике рубежа XX–XXI столетий» и А. Улюры «Антиэстетика как эстетическая норма в российской женской прозе 1990-х».

В секции молодых исследователей отметим доклад С. Капустиной «Концепты "беспорядок" и "богатирство" в творчестве Ф. М. Достоевского».

* * *

Наибольший интерес, как и на прежних форумах, вызвала секция «Религиозно-философские искания русской литературы». К сожалению, на этот раз на симпозиум не прибыли заявленные в программе известные московские исследователи С. Семенова и А. Гачева, саратовцы С. Кекова и Р. Измайлов («Творчество Достоевского в свете богословия преп. Иустина Поповича»). Однако активное участие в работе секции и актуальных «круглых столов» принял известный поэт и богослов из Владивостока Ю. Кабанков («Живые мощи и мертвые души православного атеизма»). В день, когда эту секцию возглавила Е. Тахо-Годи (Москва), самым ярким стало выступление молодого философа С. Вышинского (Украина) с актуальной и сегодня проблематикой — «Этика "святого террора" в повести Б. Савинкова "Конь бледный"».

Обратило на себя внимание и выступление молодой

**Е. Бувевич (Черкассы), Лян Кунь (Пекин),
Ю. Кабанков (Владивосток), А. Каплин (Харьков)**

исследовательницы из Пекина, профессора Лян Кунь, с докладом «Эсхатология русской литературы». Оказывается, в то самое время, когда бывшие советские республики лихорадочно отталкивают от себя все русское, китайцы интенсивно переводят и изучают русскую литературу, и религиозную православную, и советского периода.

* * *

Участникам симпозиума и гостям были устроены два премьерных показа (авторского прочтения русской литературной классики) фильмов: Карена Шахназарова «Палата номер 6» и Сергея Соловьева «Анна Каренина». Свой фильм С. Соловьев представил публике лично, привезя в «Покровское» киноверсию (есть еще и пятисерийная, расширенная), и, несмотря на позднее время, немало пообщался со словесниками.

На поэтическом вечере, посвященном 40-летию знаменитой литературной студии МГУ «Луч», которой, как и Фондом Достоевского, руководит И. Волгин, выступали студийцы разных лет, в том числе Б. Кенжеев, А. Цветков (США), и А. Кабанов (Киев). Слушателям запомнились стихи москвичек Т. Полетаевой и М. Ватутиной; прозвучали и стихи поэтов, недавно ушедших из жизни, – представителей литературной группы начала 1980-х «Московское время» А. Сопровского и А. Величанского, а также переехавшей в Загорск из Харькова Инны Клемент.

В рамках культурной программы форума прошли экскурсии по историческим местам Москвы. Словесники побывали в Доме-музее Корнея Чуковского в Передел-

кине, где собравшихся интереснейшим рассказом порадовал директор музея Павел Крючков.

* * *

Актуально и смело прозвучали на симпозиуме слова академика И. Волгина: «Сверхзадача форума — "улучшить" русскую литературу. Есть ощущение, что одна эпоха закончилась, начинается другая, и мы не знаем какая. Есть потребность остановиться, оглянуться, подумать, что с нами происходит и что с нами будет происходить... Можно сказать, что русская литература не столько пытается постигнуть загадку русской души, сколько сама является этой загадкой... Русская литература сверхлитературна, она — сакральный текст. В этом смысле знаменитая сцена Онегина с Татьяной или первый бал Наташи Ростовской выступают не только в качестве художественного

сообщения или литературного факта, но и как реальное событие национальной истории... Возможно, уступи Татьяна Ларина Онегину, мы давно бы уже примкнули к мировой цивилизации. Если изъять биографию Пушкина из истории России — это будет история другой страны...»

Форум, готовившийся в течение года, явил, может

Академик И. Волгин и режиссер С. Соловьев

быть, главный итог — поддержанную надежду на то, что русская словесность была, есть и будет актуальна — и не только в России. Будем считать, что «попытка впрячь в одну телегу коня и трепетную лань», то бишь исследователей литературы и писателей – устроителям симпозиума вновь удалась.

Бирка

Юрий ЛЮБУШКИН,
г. Николаевск-на-Амуре

(отрывок из повести)

Утром он потерял кисет. Плохая примета!..

Был и нет его, ну и дела, елы-палы. Как корова языком слизала. Свои слязнуть не могли. Пошутить тоже. На фронте как: портянки сухие и табачок – это святое. Не свое – не тронь. Угостят, поделаются – почитай за честь. Лучше уж попроси, бросив веско и многозначительно: «Покурим?»

И заметить – в знак благодарности за дорогое угощение: «А табачок-то у тебя знатный», – блаженно щурясь на сизый махорочный дым, – обязательно не забудь. Смотришь, еще и отсыплет тебе сердобольная душа в подставленную ладонь махорки на добрую козью ножку. Вот так-то.

В общем, искал он и не нашел кисета. Помнил, как сунул его в нишу траншеи, где вещмешок был и прочие солдатские причиндалы.

Только было наслюнявил обрывок газеты – тут команда: «Воздух!!!»

Вот гадство – началось! С утра пораньше. А они еще позавтракать не успели. Обещали кулеш. Но, видать, им сегодня не до кулеша будет.

Рама! Тьфу, будь она трижды неладна! У нее, паскуды, глаз зоркий, ничего не упустит. И никакая маскировка не поможет. Ишь ты, кружит и кружит коршуном на одном месте. Значит, заприметила орудия их дивизионов. Ну теперь жди «гостей»!..

Так оно и есть. Не успела рама улизнуть с голубого лучезарного поднебесья – загрохотало не на шутку. Понеслась душа в рай! И все по ним, по их дивизиону. Сволочуга, мать ее в дышло! Выведала, гадина, их расположение. Вот теперь уже точно не до кулеша.

После форсирования Вислы они думали, что передохнут немного, хоть придут в себя после неисчислимых потерь. Кого там! Вперед, вперед, вперед! С ходу, как захватили плацдарм за рекой, началось наступление по всему фронту. Без продыху день и ночь. Ночь и день. И все требовали: «Огня! Огня! Огня!» Так что работы для их гаубиц на все двадцать четыре в сутки хватало. И так день за днем. Они уже и счет этим дням потеряли. В ардивизионах бригады попросту одурели от ежеминутного рева канонады, своей и немецкой, за эти дни наступления. Ад! И ночь превратилась в день, а день – в ночь. С ума можно сойти от этой катавасии! Страх Божий! Как за Днепром. Уже и сил никаких нет, а все дальше и дальше на запад, цепляясь за каждый клочок земли, за каждую пядь – только вперед! Из последних уж сил.

Да и есть ли он, предел этих самых сил? Вряд ли...

Ночью неожиданно все затихло. Замерло. Фу-уу, наконец-то! Ну, казалось, все – небольшой перерыв. Хоть чуть-чуть отойти от всего этого ада рева. А то голова как чугунная и сплошной звон в ушах. Но кого там – на рассвете все началось по новой.

...Ему казалось – да ему ли одному? – что жерла их пушек еще не остыли после вчерашнего. А теперь вот рухнула на

них тишина и не верилось. Нежданно-негаданно, как подарок судьбы. Такое бывает на фронте...

Про еду-то – которые уж сутки – они забыли вовсе. Так, если на ходу сухарь перехватят, и все. Какое там – еда, до нее ли, если уж сигарку недосуг скрутить. Ох, подымить бы всласть! Но об этом пока и мечтать не приходилось. Голова другим занята. Пить, пить, пить! Дикая жажда мучила всех. Только напьешься – и опять хочется пить нестерпимо.

Господи, да когда же все это кончится?! Когда?! Скорей бы уж, сил никаких нет!

И вот она, долгожданная тишина...

Даже и не верится.

И едва все затихло – свалились и спали прямо возле раскаленных добела гаубиц. Кто как... Одни примостились на снарядных ящиках, кто-то голову лишь прислонил к орудию колесу – и уже храпит, так, что за версту слышать. А кто-то десятый сон видит, распластавшись на голой земле у станины. В общем, как дали команду отбой – все сразу и попадали, кто где стоял. Ах, как хочется спать!.. Спать! Спать! Спать! Неимоверная усталость валила всех с ног, даже самых стойких. Немудрено.

И пусть они сами боги войны и перед жерлами их грозных гаубиц вряд ли кто устоит, но всесильный Морфей одолел и их, погружая в свое сладкое, зыбкое царство.

Напрасно будил их батарейный старшина, притащив с двумя пожилыми солдатами из ездовых термос с горячей пшенкой. Не до нее сейчас, не до нее... Усталость повалила всех. Вот дрыхнут-то как: пушкой не разбудишь. Мда-аа...

Командир батареи, еле-еле разлепив воспаленные от бессонницы глаза, приказал осипшим от дневной натуги голосом:

– Отставить, старшина... После, после... Термоса оставь... Потом...

И свалился тут же в кучу малу из спящих батарейцев.

– Ну потом так потом, – старшина похлопал заботливо рюкзак с буханками хлеба, где также припасены были и фляги с «наркомовскими» за все дни боев, – опосля мужики выпьют свое. Успеется...

И удалился восвояси. У него тоже дел невпроворот. На то он и старшина. Все хлопотное хозяйство батареи на нем. И работать оно должно без сучка и задоринки. Без малейшего сбоя. Иначе никак нельзя...

Да и спать ему хотелось не меньше остальных.

А с рассветом, точнее, едва-едва только забрезжило на востоке, началось опять – двадцать пять. Будь оно трижды неладно!

Чтоб ему пусто было, ядрена вошь!

Ни поспать, ни поесть толком, ни покурить всласть. И не видать у этой проклятущей войны ни конца ни края!..

СТО МЕТРОВ ВОЙНЫ

Евгений ВЕСНИК

НА ФРОНТЕ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

В январе 1945 года мы начали победное шествие по Восточной Пруссии. Я в составе 5-й гвардейской артиллерийской бригады на 3-м Белорусском фронте. Кстати, во время первой мировой войны мой отец, рядовой царской армии, прошёл тот же путь, что и я в годы Великой Отечественной: от Кибартай до Пиллау, через Фишгаузен и Кенигсберг.

С большой осторожностью под носом у противника мы строим наблюдательный пункт. Вызывают к полевому телефону: «Срочно явитесь в штаб бригады!» Снять меня с важной работы – я руководил строительством – командование могло только при особых обстоятельствах. Что же случилось?

Оставляю сержанта вместо себя, даю инструктаж, пробираюсь к своему замаскированному «виллису», и через несколько минут уже докладываю начальнику штаба: «Товарищ гвардии полковник, гвардии лейтенант (уже лейтенант!) Весник по вашему приказанию прибыл!» Полковник ничего не объясняет, лукаво улыбается и приказывает немедленно побриться, помыться, почистить сапоги и срочно отправиться к начальнику штаба армии. Молниеносно привожу себя в порядок и мчусь дальше. Приезжаю. Докладываю: «Товарищ генерал-майор, гвардии лейтенант...»

– Срочно идите вон в тот дом, – приказывает генерал. – Там вы всё сами узнаете и поймёте!» Вхожу в дом. Вместительный зал набит офицерами. Идёт спектакль. Смотрю на сцену. Что такое? Не верю своим глазам. Неужели они? Да-да! Борис Кордунов, Галина Сперантова, Метельцев играют спектакль. Наши «щепкинцы!» Спрашиваю рядом сидящих: «Что за театр, Малый?!» – Нет, не Малый. Фронтной».

Ребята знали, что я на 3-м Белорусском фронте. Узнали в штабе, где я сейчас. Начальство разрешило вызвать. И вот сижу в душном зале и плачу. На меня смотрят, как на идиота: пьеса смешная, а я реву. От счастья неожиданной встречи, от внимания, проявленного ко мне. Незабываемый вечер!

СТО МЕТРОВ ВОЙНЫ

Весна 1945-го... Восточная Пруссия. Взятые города Кенигсберг, Пиллау (теперешние Калининград и Балтийск). Части армии вышли на берег Куршского залива. Вот, казалось бы, радость, победная гордость... Нет! Наступил самый грешный для меня, самый неприятный день за всё моё пребывание на фронтах Отечественной войны, а может быть, и в жизни.

На берег высадились многочисленные отряды не-

мецкой морской пехоты со стоявших вдалеке кораблей. Наша «братва» засела в подвалах рядом с морем, затаилась на крышах домов.

Апрель. Не холодно. Немские морские пехотинцы – в тельняшках, идут на нас, держа автоматы с упором в живот. Пальба... Ор... Какие-то песни... Сигареты в зубах. Ясно, что все в подпитии. Спотыкаются, падают. Какова была их задача, цель, надежды – так и осталось загадкой. По-моему, ими руководило отчаяние! Обречённость! Что касается нас, то никто не мог предположить, что наткнётся на психическую атаку. По логике, чужие корабли, опасаясь нашей авиации, давно должны были уйти. Не ушли почему-то.

В подвале, где я оказался со своим вестовым Дергуновым, находился пехотный генерал, к частям которого были приданы наши артиллерийские дивизионы, батареи и взводы. Мы безоговорочно подчинялись его командам. Офицеры вооружены пистолетами, солдаты – автоматами и гранатами.

Генерал по рации:

– Не стрелять! Подпустить на двадцать пять метров. Артиллеристам не работать!.. Всем, всем, всем! Стрелять только по моей команде.

Немецкая орава идёт, идёт, идёт, не зная, что мы в подвалах. До нас остаётся метров сто.

Я понимаю, что придётся изрядно пострелять. И, если мы этого не будем делать, то с удовольствием это сделают пьяные немцы – они перебьют всех нас.

90 метров...

Вспомнил рассказы очевидцев о том, как сдавался в «плен» подходившим к Москве фашистам народный артист РСФСР Всеволод Александрович Блюменталь-Тамарин, сын знаменитой артистки Малого театра Марии Михайловны Блюменталь-Тамариной. Происходило это в 1941 году под Москвой, в Новом Иерусалиме. Немцы всё ближе и ближе подходят к даче, где укрывается невменяемый от алкоголя артист, – вот так же, как сейчас пьяные немецкие моряки к нам. И тут на крыше дачи появляется его собутыльник с белым флагом в руках и с большой порцией спиртного в утробе. Он машет, машет флагом...

Однажды, находясь на наблюдательном пункте командира 5-й гвардейской артиллерийской бригады гвардии полковника Александра Фёдоровича Синицына, я своими ушами слышал обращение диктора немецкого

радиовещания к русским солдатам на чистейшем русском языке с уговором сдать в плен и с обещаниями красивой, благополучной, сытой жизни под крылышком великого фюрера. Позже я узнал, что не то партизанами, не то солдатами воинской части этот диктор был пойман и повешен. А фамилия его Блюменталь-Тамарин, и звали его Всеволод Александрович!

70 метров...

Стреляют наобум, в надежде напугать возможного противника и расчистить себе путь. Неизвестно, непонятно, куда идут, зачем... Истерика? Общее помешательство? Ведь вся Восточная Пруссия в наших руках!

Вдруг ожили не то в голове, не то в сердце кадрики-картинки детства. В городе Кривой Рог я часто ходил в гости к школьному товарищу Анатолию Зельдину, и каждый раз его мама угощала меня моим любимым молочным киселем. Нам было с Толей по десять лет. Однажды его мама сказала, что, если она ещё раз увидит у нас в карманах рогатки, из которых мы стреляли в чужих садах по воробьям, по яблокам, орехам и абрикосам (однажды за это мы испытали «прелести» соли, попавшей в мягкое место чуть ниже спины после того, как хозяин сада выстрелил из ружья), – она, мама Толи, больше не будет угощать киселем!

50 метров...

Через несколько минут мы начнём... убивать тех, кто охотно убил бы нас. Идиотизм!.. Перед призывом в армию мне, студенту Театрального училища имени Щепкина, довелось играть роль священнослужителя, поэтому помню наизусть немало текстов из Ветхого и Нового Заветов, произносившихся моим героем.

Из Ветхого: «Не убий».

Из Нового: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». «А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую».

Вспомнил эти строки и представил себе, что генерал наш вместо команды «Огонь!» прочёл бы их по рации! И стало на душе легче, потому что улыбнулся этим мыслям. А немецкая морская пехота тем временем продвинулась ещё...

35 метров...

Воспоминания пролетают значительно быстрее, чем пехота движется на нас: каждый шаг врага – это молниями памяти освещённые годы жизни. Недаром говорят, что перед смертью кладовая памяти буквально в течение нескольких секунд выбрасывает из себя и прокручивает «киноленту» всей твоей жизни, даже при закрытых глазах. Где же экран? На закрытых веках? В голове? Где «киноаппарат» памяти? Какие силы его запускают? Человечески безнадежно беспомощны: они не знают тайны происхождения не только собственного, но даже, скажем, червя или пчелы. Люди не знают, как вылечить бронхиальную астму и религиозную разобщённость; они не знают, к чему приведёт бесконечное, беспардонное ковыряние в теле Земли. А вот как эффективнее стрелять друг в друга – люди научились. Мало того – тех, кто придумывает оружие всё более и более массивного уничтожения, холят, берегут. Научились обманывать друг друга и убивать, убивать, убивать...

30 метров...

Сегодня 22 апреля, а Кенигсберг был взят 9 апреля. Перед штурмом города была часовая авиационная и артиллерийская подготовка. Одна из целей нашей артбригады – форт № 13. Весь город опоясан оборонительными фортами. Стволы наших орудий от большой огневой нагрузки стали красные...

Пехота пошла вперёд, мы подтягиваем орудия, а командиры батарей, дивизионов и полков входят с пехотой в город для визуальной корректировки огня тяжёлых орудий, стоявших в 3-5 километрах. Осматриваем разрушенный форт № 13. В нём оказался... склад людских и конских(!) противогазов. Смешно и горько! Зря стреляли по нему, по форту!

Вошли в город. Пожары, пожары... Особенно жарко в центральной части разрушенного Кенигсберга. Для того чтобы проскочить отрезок дороги в какие-нибудь 50-100 метров или от дома к дому, приходилось обливаться водой и быстро-быстро пробегать это пространство. А если попадался брошенный велосипед – мчаться на нём между очагами огня.

Кто на какой улице – наши или враги, в этой кошмарной катавасии понять или предугадать было невозможно. Вдали улицы появилась большая группа немцев. Прекрасно помню название улицы: «Генерал Лицманштрассе»... Я и мой ординарец с рацией могли спастись, только спрятавшись в продырявленном осколками высоченном металлическом резервуаре с лестницей, к нему приставленной. Чёрт знает, для чего предназначенном.

Забрались в него. В дырки видны приближающиеся немцы. «Мизансцена» – ха-ха-ха! – зеркально похожа на наше теперешнее положение в подвалах на берегу Куршского залива. Разница была лишь в том, чтобы не выдать своего местонахождения. Не стрелять! Не дай Бог!...

27 метров...

Вот-вот прозвучит команда «Огонь!»

Вспоминаю, как немцы пробежали мимо резервуара. Мы видели выражение их растерянных, испуганных лиц. Слышали – ругаются между собой, жестикулируют, очевидно, не знали, кто и что ждёт на следующей улице или за углом дома – свои или наши. Слава «мадам Удаче» – никому из пробежавших мимо нас не пришло в голову заглянуть в резервуар – ни в его дырочки, ни сверху. Пронесло!!!

Команда: «Внимание! Огонь!»

Из подвалов и с крыш домов заработали пистолеты, пулемёты, полетели гранаты... «Орда» падала за смертью, Косяками. Стреляли все. Стрелял и я. Стрелял из пистолета... Прицельно!

Я не знаю, не помню, сколько времени прошло до падения последнего немецкого пехотинца. Позже говорили, что по всему побережью полегло несколько тысяч фашистов. Не хоронили. Был сильный шторм. Их унесло.

В течение полугода я плохо спал, просил у Бога отпустить мне грех.

Ответа нет!

Сейчас на меня наступают годы: 74... 75... 80...

Когда они сразят меня?

Ответа нет...

По своему билету

(рассказ)

конкурс

На экзамене по турбинам нельзя было списать, это все знали: Высочин контролировал курсантов истово. И всё же Анатолий Степаненко рискнул: помогло... плохое зрение. К четвёртому курсу оно так ослабло, что встал вопрос о переводе его в группу судоремонтников. «По инвалидности», – хмыкнул Стас Чертыковцев.

Но «инвалид» оказался проворным: явился на экзамен при очках. Вообще-то Степаненко очки не носил, но на этот раз вынул из чехла, водрузил на нос, а чехол вместе со свёрнутой в гармошку шпаргалкой положил перед собой.

Конечно, преподаватель чехол видел, но внимания не обратил. Он был занят другим: наблюдал за курсантами Чертыковцевым и Поздняковым, которые не оставляли попыток извлечь шпаргалки из пистонов своих брюк. Правда, некоторые формулы скоростного режима на лопатках турбин были выписаны Стасом на флотском воротнике фланелевки, но они оказались ненужными, потому что Чертыковцев вытащил не «свой» билет.

Наблюдая за попытками хитрых курсантов, Высочин тонко улыбался. А Толя Степаненко тем временем спокойно списывал.

Валентин Заочный и Санька Бек, каждый у своей доски, тоже готовились к ответу. За столом сидел и демонстрировал вдумчивую сосредоточенность один Степаненко.

Эти пятеро появились перед Высочиним первыми волею пославшей их «толпы».

– «Толпа» доверяет, вы самые-самые, – сказал им старшина группы Анатолий Зверев.

– Самый-самый у нас Боря Кутновский, – возразил длинный и худой Стас Чертыковцев и завертел головой на тонкой шее в поисках того, «который вместо меня».

Но Кутновский исчез. И «на амбразуру» бросили Стаса.

Воля «толпы» для курсанта – закон. «Толпа» – это значит МЫ, курсанты блистательного ДвИМУ, и больше никто, никогда и нигде. С «толпой» не спорят, потому что – нельзя.

Надо было срочно восстанавливать жизнеспособность «теории вероятности», рухнувшей на глазах изумлённых коварством преподавателя «курсачей».

– А ведь как хорошо всё начиналось, – вздохнул Виталий Калиновский.

Владислав ГУСАРОВ,
г. Владивосток

– Прорвёмся, Виталя! – прервал его печаль старшина Зверев.

«Теория вероятности» – сдача экзамена по «своему» билету – была изобретением курсантов давнего поколения, и с тех пор из года в год совершенствовалась. В четвёртой роте её чтители и свято оберегали. Потому что сдавать экзамен по «своему» билету считалось среди курсантов «высшим пилотажем».

И тем горше было им, если случались досадные сбои.

За двое суток до экзамена Санька Бек, Феликс Поздняков (Фекса) и Стас Чертыковцев проделали рискованную и важную подготовительную работу: тайно в ночи проникли на кафедру «Судовые паровые и газовые турбины», вскрыли стол Высочина, пометили и переписали номера экзаменационных билетов.

Метили так, чтобы подозрительный Высочин «не усёк»: на чистой оборотной стороне билетов ставили едва заметные крестики, точки и запятые, и это обязательно фиксировали в отдельной тетради; замечали органические включения на бумаге, их тоже фиксировали. А Санька Бек предложил и немедленно внедрил новшество: под билет подкладывал затушёванный простым карандашом лист бумаги, а с лицевой стороны водил с нажимом спичечной головкой в том месте, где был проставлен номер. И на тыльной стороне билета просматривался едва заметный «типографский оттиск».

Санькина новация понравилась: переметили все билеты, на которых ещё не стояли метки. Высочин не догадается, уверял подельников Санька. Работа на кафедре паровых и газовых турбин кипела.

Под занавес операции «Наш ответ Высочину» курсанты едва не были пойманы с поличным. Дежурному по училищу, делавшему обход территории и помещений учебного корпуса, показались подозрительными свет и шум в кабинете кафедры турбин среди ночи. Он подошёл и постучал.

Когда Фекса Поздняков открыл дверь, дежурный офицер увидел, что курсанты четвёртой роты забыли про сон и горячо спорят среди ночи над чертежами судовых турбин.

– Пора спать, – строго сказал дежурный офицер.

– Извините, товарищ капитан третьего ранга, – произнёс Санька Бек покаянно, – задержались, на часы не смотрели. Экзамен предстоит сложный.

– Тем более, – сказал дежурный по училищу, – на

экзаменах нужна свежая голова. Немедленно в спаль- ный корпус!

И засидевшиеся над конспектами и чертежами кур- санты дисциплинированно разошлись. Санька Бек умел хорошо работать отмычкой и дверь кабинета за- крыл легко.

Высочин не заметил следов вторжения, однако в день экзамена, прежде чем разложить на столе экза- менационные билеты, проявил-таки коварство: разде- лил пачку на три части и поменял местами – среднюю наверх, а нижнюю в середину. Наблюдатели в коридо- ре то же проделали с заранее приготовленной своей пачкой «билетов».

Однако для восстановления работоспособности «теории вероятности» первыми в класс запустили «забойщиков». Когда «забойщики» уже обилетились, откуда-то появился Боря Кутновский и выслушал от «толпы» немало гневных слов. Ссылки на внезапные рези в желудке «толпа» за серьёзный «аргумент» не приняла, и Боря опустил голову, услышав, что он посту- пил, как «мелкий чудаков». Это был едва не приговор. «Мелких чудаков» в училище было мало, они в курсан- тах не задерживались. Поэтому Боря уже настойчиво заговорил о своём недомогании. Ибо до этого дня он был среди курсантов – «крупный чудаков».

– Следующим к Высочину на randevу идёшь ты! – прервал жалобы Кутновского старшина Зверев.

Боря покаянно молчал и кивал.

Дежурный по аудитории Онасенко уже доложил, какие номера билетов и с какого края стола взяли «забойщики». Зверев, Калиновский и с ними ещё два активиста так же раскинули свою пачку «билетов» и размышляли над нею.

– Тебе повезло, Боря, – сказал Зверев, – вот лежит «твой» билет. Толя Онасенко видел: на бланке органи- ческое включение в виде восьмёрки. Но, если не «твой» – не бери.

– Здравствуй! – сказал Боря. – Мне что, в билетах копать- ся? «Извините, товарищ преподаватель, «свой» билет ищущу». Так, что ли?

– Твой это, твой, – утверждал Калиновский и мелко- мелко кивал. – Органическое включение... Онас гово- рит... Онас!

Он завертел головой в поисках дежурного, но тот уже зашёл в аудиторию.

– Так брать мне его или не брать? – возмутился Боря.

– Бери, – вздохнул Зверев. – Нам легче ориентиро- ваться будет в остальных.

После того как Боря взял «свой» билет, «теория веро- ятности» обрела логические очертания.

В аудитории же у «забойщиков» дела складывались не лучшим образом, лишь у Степаненко было «без про- блем»: билет взял не «свой», но уже почти всё списал.

Заочный и Санька Бек «дымилась»: тоже вытащили билеты не «свои». Их старания воспользоваться шпар- галками рушились под бдительным оком препода- вателя Высочина. Поздняков тоже вытащил билет не

«свой», но материал знал и, как мог, помогал Стасу: вы- писывал на своей доске нужные тому формулы. Сам-то он сдаст!

– Заочный! – говорил в это время Высочин. – Я всё вижу! Что у вас в правом кармане?

– Платок. Насморк у меня, – ответил Валентин и чих- нул.

Но руку от кармана отвёл.

К Саньке Беку тоже пришла помощь: дежурный по аудитории Онасенко принёс в мокрой тряпке нужную «шпору». Знали: Высочин не проверяет руку, в которой курсант держит мел. Но как неудобно списывать, когда в одной руке и мел, и «шпора»! Врагу не пожелаешь. А перебирать «гармошку» пальцами одной руки?! Нет, какой всё-таки сложный экзамен по паровым и газовым турбинам! Санька старался всюю. Только не- сколько человек из группы не волновались: материал знали хорошо. Однако настроение Высочина было не- предсказуемо: завалить мог любого. Но не Борю Кут- новского: турбины были его любимым предметом, и он сожалел, что судов с этими силовыми установками на флоте единицы. «Теорию вероятности» называл про себя (да и громко говорил) поправкой на дурака. Но таких, как он, «самых-самых», на курсе обучалось не- много.

Всех подвёл Виталя Калиновский: переволновав- шись, вытащил билет Толи Онасенко. Для обоих это едва не стало трагедией, и лишь благодаря сменив- шему Онаса на дежурстве курсанту, зачистившему полоскать от мела тряпки, Виталя и Онас выкрути- лись.

– Я тебя спрашивал шёпотом: «Этот? Этот?» – выго- варивал дежурному после экзамена Виталя и от вол- нения заглатывал слова. – А ты мне кивал!.. Кивал, ки- вал, кивал! – заметив протестующий жест, засуетился, зачистил Виталя.

Дежурный не соглашался: он не кивал! Заспорили. Спор прервал Стас Чертыковцев:

– Засохни, – сказал он Витале.

А Калиновский прижимал к сердцу зачётку, где в гра- фе «Судовые паровые и газовые турбины» рукою Вы- сочина было проставлено: «Удовлетворительно».

В целом экзамен провели с минимальными потеря- ми: из двадцати трёх курсантов двойки получили чет- веро. Трое вытянули билеты не «свои». Но больше всех удивил Виктор Сафонов.

– Виктор, – сказал ему Анатолий Зверев, делая уда- рение на последний слог имени, – объясни нам, недо- умкам, как можно отвечать по «своему» билету и полу- чить двойку?

Виктор ответил коротко и честно:

– Я билет перед началом экзамена учить начал.

Вечером на квартире, где проживал со своею женой Раечкой, Виталя Калиновский присел на диванчик и устало прикрыл глаза. На требование Раечки почи- тить для супа лук он произнёс слабым голосом:

– Сил нет, я очень устал, был такой сложный экзамен. Давай сварим суп без лука.

РЕДАКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНОГО МЕРИДИАНА» ПРЕДЛАГАЕТ ПРИОБРЕСТИ КНИГИ:

КОСТЫЛЕВ Владимир. Два кофейных зёрнышка. Сборник коротких рассказов. Арсеньев, изд-во «Литературный меридиан», 2009 г., 120 страниц. Цена 80 рублей (с почтовыми расходами – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. Свобода выбора. Верлибры. Владивосток, изд-во «Народная книга». 2009 г., 92 страницы. Цена 70 рублей (с почтовыми расходами – 100 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. Вишнёвая косточка. Стихи. Владивосток, изд-во «Народная книга». 2004 г., 168 страниц. Цена 80 рублей (с учетом пересылки – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. Разговор на языке души (переводы Эмили Дикинсон). Стихи. Владивосток, изд-во «Народная книга». 2004 г., 148 страниц. Цена 80 рублей (с почтовыми расходами – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. Шестая стихия (переводы Сайто Санэмори). Избранные хайку. Владивосток, изд-во «ORIENT». 2007 г., 84 страницы. Цена 70 рублей (с почтовыми расходами – 100 руб.).

Указанная сумма перечисляется почтовым переводом на имя главного редактора «Литературного меридиана» Костылева Владимира Александровича по адресу издания с обязательным указанием цели платежа.

СРЕДСТВА, ВЫРУЧЕННЫЕ ОТ ПРОДАЖИ КНИГ, ИСПОЛЬЗУЮТСЯ НА РАЗВИТИЕ «ЛИТЕРАТУРНОГО МЕРИДИАНА».

ПОДПИСКА- 2010

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с ЛЮБОГО месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу:

692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16.
Костылеву

Владимиру Александровичу.

3 месяца — 150 рублей,

6 месяцев — 250 рублей,

1 год — 450 рублей.

**При оформлении годового абоне-
мента экономия от 50 до 150
рублей!**

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку даже на номера, вышедшие с начала текущего года.

К подписавшимся ежемесячно просьба указывать сроки начала и окончания подписки.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.

По просьбам наших авторов публикуем номер банковского счета, на который можно перечислить средства на **СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ** «Литературного меридиана»

ПЛАСТИКОВАЯ КАРТА

№ 4276 8500 9681 2919

в Арсеньевском ОСБ № 7718/7718

Получатель –

Владимир Александрович
КОСТЫЛЕВ.

**Александр БОНДАРЕНКО,
г. Арсеньев**

* * *

За праздник зиме заплатил я

Купюрой рыбацкого дня.

Пробитые латы залива –

Последний аккорд февраля.

Покупка:

навага, зубатка,

Огурчиком пахнувший лёд...

Здесь, в поле рыбацкой посадки,

Идёт настроенье на взлёт!

И что ещё надо трудяге,

Что вышел в Амурский залив

За корюшкой и за навагой

И за настроением своим?

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 914-666-1-999

Тел. (+7) 924-263-29-79

(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск.

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

**Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ**

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объём издания – 4 печатных листа.
Тираж 800 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 февраля в 8-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.